

18+

Глеб Давыдов

Город

«Издательские решения»

Давыдов Г.

Город / Г. Давыдов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-602108-2

Роман об экзистенциальном кризисе группы одноклассников, которые сталкиваются с жизненными трудностями и пытаются их преодолеть. Сквозным мотивом проходит странная тетрадь, которую один из героев случайно находит в больнице. Тетрадь является чьим-то неподписанным предсмертным дневником, но каждый из одноклассников смутно ощущает, что догадывается, кто ее автор. Дневник дает намек на то, что его написал один из них — тот, кто буквально прожил жизнь заново и хочет подать знак самому себе.

ISBN 978-5-00-602108-2

© Давыдов Г.
© Издательские решения

Содержание

МЕТАНОЙЯ, ЧАСТЬ I	6
МЕТАНОЙЯ, ЧАСТЬ II	13
МЕТАНОЙЯ, ЧАСТЬ III	18
КВАРТА МНЕМОЛИНИЯ, ЧАСТЬ I	23
ТЕОДИЦЕЯ, ЧАСТЬ I	32
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Город

Глеб Давыдов

© Глеб Давыдов, 2024

ISBN 978-5-0060-2108-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МЕТАНОЙЯ, ЧАСТЬ I

Жизни претит вычурность. Простые фразы, простые мысли, простые люди. Будь проще и люди к тебе потянутся. Чтобы чего-то добиться, надо перебороть себя. Лучший момент, который ты помнишь, это момент, когда влюбился. Все гениальное – просто. Все эти фразы – транквилизаторы, которые усыпляют и уводят в тупичок. Подальше от страшной неведомой дороги, которой идти придется совсем одному. Дорога в Вавилон, после которой ты уже не сможешь объяснить всем, кто тебя отговаривал, что ты там видел, потому, что будешь говорить уже на другом языке. Постоянная недосказанность и изменчивость этой дороги вызывает беспокойство и раздражение. Как карта с белым пятном, только ты исследуешь его, как открывается новая область и новое белое пятно снова занимает своё законное место. Недоказуемость и бессмысленность – одеяния жизни. Какой бы стройной твоя теория не была, всегда будет слабое звено, которое пусть не сразу, но перевернет её со временем. Хваткой ума ты пытаешься остановить процессы или хотя бы зафиксироваться на каком-то значении, но они подобны водопаду и вот ты уже погребен своими же заблуждениями, которые казались так актуальны годы назад. Нужно набраться сил, чтобы признать, что был не прав, оказался в тупике, а простота объяснений убавюкала и отвернула взгляд от правды.

Очевидная защита – это эскапизм и несерьезность. Увлечись йогой, духовными практиками, толкинизмом, спортом, транс-музыкой, чем угодно, лишь бы заглушить голос мозга. Сознание и мозг – по разные стороны баррикад. Сознанию уютно один на один, не комфортно, когда задают правильные вопросы. Сознанию уютней создать ворох защитных интересов, метаться между ними, в передышках заставляя мозг принимать пустяковые решения, выдавая их за важность. Мозг тем временем стоит над пропастью ужаса полной бессмысленности происходящего. Холод безграничной вселенной, совершенно пустой и недоступной, окутывает пропасть. В происходящем калейдоскопе времени, мозг пытается хоть как-то разобраться, что же, в конце концов происходит, хотя сам факт вопроса уже пугает его. И сознание пытается спасти тело, хватая само себя за макушку, погружает мозг в пучину суеты, как баптистский священник некрещеную девицу. В итоге человеческие воспоминания превращаются в плохо смонтированное кино, где яркие моменты склеены в пеструю ленту, меж которой проходит унылая рутинка, которая на самом деле и составила всю жизнь.

Лампа над головой мерзко жужжала и шелкала. Витя оторвал уголок бумаги, раскрутил колпачок ручки и смачным выдохом выстрелил слюнявой бумажкой точно в шею Коли Кривошеева. Все загоготали. Кривошеев потирал шею и смущенно улыбался. Все было как всегда. Тома заполняла журнал. Аня, рядом с ней, прихорашивалась глядя в зеркальце. Лида за ними, облокотившись на стол, смотрела в окно. Косой с Кубриковым на задней парте со звоном играли в пятака. Кулаки Косого уже солидно кровоточили. Саша на передней парте среднего ряда, вытянув ноги под столом, бездумно смотрел на доску. Лев рядом с ним перекладывал свои смешные допотопные тетради из серой бумаги. Миша сзади с азартом рассказывал Тимуру, что скоро поедет с отцом куда-то в наукоград и там увидит настоящий реактор или ускоритель. Тимур с восточным прищуром делал вид, что ему это интересно. Маша за ними поправляла модные и недоступные остальным браслеты-напульсники, надменно смотря поверх затылков. Егор рядом с хлюпающим смехом заливаясь рассказывал ей какую видеокассету нашел у родителей. На задней парте третьего ряда что-то неряшливо вечно записывала Чудинова. Все шло своим чередом. Учиться никто не хотел. Стены с портретами маститых писателей и ученых угрюмо наблюдали весь этот комплекс энергий. Запоздало вошел учитель. Тома тут же подсунула ему журнал на стол. Все встали.

– Садитесь, садитесь. – спешно проговорил историк и сел за стол покрытый стеклом, под которым заботливая Тома положила календарь с отмеченными учебными графиками и список учеников. Он быстро пересчитал «н-ки» оглядел класс, почесал затылок и все же взял журнал и начал перекличку.

– Абдулаев?

Встал Тимур. Статный, в плотной спортивной кофте, со смуглым лицом и слегка раскосыми глазами. В него была влюблена половина школы. Как за внешность, так и за умение грамотно подбирать одежду и сохранять имидж и стиль бандита из какого-то западного гетто. Тимур был молчалив и осторожен в выражениях, мастеровит и умел рассудительно договариваться.

– Голькин?

Встал Егор. Самый мелкий из всех, но с несвойственной его комплекции крупной липкой шеей под подбородком. Егор был в чистой богатой кофте и в модных широких джинсах. Прическа с небольшой челкой была аккуратная и свежая. Егор был из богатой семьи, от чего уверенный в себе, наглый и умеющий стравливать разные группировки, а за счет хороших ораторских данных еще и всегда выходил из этих стычек невиновным. Егор был умелым, не по годам, манипулятором и умел наводить мосты практически между всеми. Как ни странно педантичная Тома и внезапно нейтральный Саша относились к нему пренебрежительно. Но Егора это мало волновало – за него вписывался Косой и Кубриков, он был защищен от любых проблем.

– Добрынина?

Встала аккуратная блондинка Аня. Вполне обычная, симпатичная, и из-за природной смелости и немного дерзости, занимавшая вершины школьной иерархии. Выдающейся чертой ее была характерная нижняя челюсть от чего все время казалось, что она сипит и шепелявит.

– Еляшевич?

Встал грузный Лев. Вечно потный, засаленный, пахнущий, но при этом не трусоватый, острый на язык и уверенный в себе. На вид он был первым кандидатом быть грушей для битья, однако проявив недюжую хитрость оказался вторым после Егора интриганом. Заводилой множества школьных баталий в которых он, естественно, не участвовал.

– Ермолаева? Здесь.

Встала аккуратная Тома. Любимица учителей, школьная староста и заводила всего школьного актива. Тома панически боялась кому-то не понравится поэтому умела хорошо учиться и при этом ругаться матом и держать слово на разных школьных разборках. Ее авторитет был непререкаем. Крупные розовые щеки казалось тоже были намеренными, чтобы подчеркивать безграничное дружелюбие.

– Зайцев?

Встал Женя Косой. Большой амбал с характерной губой и торчащими из нее желтоватыми прокуренными зубами. Глаза близко к носу, такие же сальные, как у Кубрикова. Зайцев был боевиком в их шайке, таранным камнем и исполнителем. Казалось он тогда был лишен какого-либо собственного мнения. Все, что касалось криминала, было для него крутым, любое, что было вне – не крутым. Косой умел драться беспощадно и бесстрашно.

– Кривошеев?

Встал скуластый Коля. Коротко стриженный, в спортивном костюме с аккуратно подшитыми локтями. Взгляд с прищуром, острый и напускно спокойный. Коля безуспешно штурмовал школьную иерархию, но удавалось плохо. Он вроде был своим для всех, но не хватало ума шутить также остро, как Лев и сил и сноровки драться как другие тоже не хватало. Характерной чертой была массивная крепкая голова на тонкой шее, водруженной на крепкое сбитое туловище.

– Кубриков?

Встал тощий взлохмоченный Алексей, в засаленной странной рубашке, похожий чем-то на цыгана. Несмотря на субтильную комплекцию он обладал недюжими волевыми качествами, которые он накопил живя в неблагополучной семье и постоянно прошивываясь по улице. Глаза с густыми черными ресницами были полуприкрыты и словно покрыты каким-то маслом – всем видом он выражал абсолютное безразличие.

– Кузнецова?

Встала худенькая Лида. Тонкие ноги казалось едва держат грузный джинсовый сарафан. Лида была симпатична, но акне давало много очков в минус, от чего она сильно переживала и тщательно и мастерски каждое утро скрывала его всеми доступными на тот момент средствами. Лида была аккуратной, с нотками утонченности, уважающей себя. Она держала дистанцию от всех, но при этом, когда надо могла сходить и погулять со всеми, если это не сулило никаких репутационных рисков для нее.

– Сазонов?

Встал Саша. Аккуратный, подтянутый, в светлых брюках и в рубашке застегнутой до шеи. Светлый добрый взгляд, корректный и начитанный. Саша был универсален для всех – помогал во всем, мог не напрягая никого пить со всеми и петь песни под гитару. Мог дать сдачи, но при этом не употреблял ничего, кроме алкоголя – что было балансиrom-противовесом, удерживающим его ровно посередине всех школьных проблем.

– Ильчук?

Встала Мария. В классе она была изгоем, с ней общался только Саша и Аня. Главный скандал всего и вся – нестандартная, творческая, из богатой семьи. Ее ненавидели за все, в первую очередь, конечно, за дорогие вещи, потом за чудаковатый ершистый характер, в конце просто за странный внешний вид – в те времена не было принято так ходить и одеваться. Она была школьной белой вороной и олицетворением того, что Кубриков и остальные ненавидели – напускная индивидуальность.

– Исаев?

Встал Виктор. В спортивной гимнастерке до шеи. На плече белыми нитками самостоятельно был пришит логотип общества «Динамо». Витя, в прошлом обычный мальчишка без талантов, после секции борьбы заработал авторитет скандально бросив через плечо кого-то из старшеклассников. Кубриков сразу взял его под крыло, в расчете на какие-то сложные баталии, в которых такие навыки могут пригодиться. Витя был статен, разбирался в технике и в целом перспективен, но ему не хватало харизмы. Его бы качества, да Тимуру, тогда совсем бы не было отбоя от девочек.

– Муравьев? Миша? Здесь.

Встал отличник-Михаил. Кучерявый, длинный, нескладный и неудобный какой-то на вид. В сером растянутом свитере, на вид страшно колючем, еще и на одну только майку. Умный, но не такой цепкий, как Лев, вдохновленный, сын каких-то маститых инженеров-радиостов.

– Чудинова? Виталина?

Встала Вита. В блестящей с серебрянной нитью юбкой из секонд-хенда, в свитере по растянутости и засаленности схожим, если не худшим, чем у Миши. Главный аутсайдер класса. Тихая, неуклюжая, неразговорчивая. В принципе ее не ненавидели, как Машу, просто совсем не замечали. Посмеивались с ее странной семьи во главе с отцом-фокусником, который иногда давал представления в центре города. Сама Вита была крупной, с глазами слегка расходящимися в стороны. Ее особо не травили только из-за старших братьев, которые были уважаемыми ловкими старшеклассниками, способными отвесить и подзатыльника и один на один в серьезных уже драках могли неплохо так припугнуть вполне реальной заточкой. Быть тенью братьев устраивало безразличную, в сущности, Виту.

– Кого нет получается? Тамара?

- Дрожжина, Тани Шкурковой... Еще Каменевой.
- А Малиновская?
- Я не знаю, Анатолий Иванович, второй день нет.
- Грипп? – Тома пожала плечами.
- Ладно. Кубриков, тише там. Сегодня тема – религия Средних веков. Доставайте тетради. Кривошеев? Ровно сиди.

*****

В промышленных портовых районах стоит запах перекаленной металлической стружки и грязной водной пены. Наблюдая издали, видишь только оцепеневшие конструкции, краны и фонари. Людей за этим не видно, и что они там делают тоже. Выглядит безжизненно и пасмурно. А тем временем где-то в недрах вразвалочку ковыляют рабочие, ругаются, что-то перетаскивают и курят. Ржавый запах меняется на вонь мокрого асфальта. Отойдя подальше видишь только огни, всегда размытые, нечеткие, отражающиеся в гавани. По морю идёт невообразимый пароход, с торчащими в разные стороны закопченными трубами и антеннами, кажется, что им управляет визжащий бездушный механизм, а не команда, то и дело мелькающая на палубе.

На берегу сидели двое, смотрели на пароход. Рядом, прямо из песка и глины, торчало мертвое деревце, под ним трепыхалась сброшенная змеиная кожа, прижатая гнилым яблоком. Маша закрыла дневник, подсунула его под сумку и закурила поджав ноги в кедах. Саша лежал прислонившись головой к рюкзаку, вытянув ноги. Смотрели на море.

– Что там еще интересного? – спросил Саша, набрав камней в руку, принявшийся их вяло бросать в сторону.

– Про подъем хорошо, про разговор с Богом... Про эскапизм и толкинистов еще. – снова открыла и перелистнула дневник Маша – Стихи видела?

– Да, но мне кажется это кто-то другой написал, там и почерк немного другой. Интересно, конечно, ты нашел...

– Просто в бумагах лежала, кто-то подкинул из наших, когда я грамоты собирал.

– Уверен что из наших?

– Может из параллели кто? Из «Б» -шек...

– Врядли... Хотя я там мало помню кого. А Коля?

– Тоже думал, учитывая его историю, но как-то слишком для него сложно, кажется. – Мэх... Мда, нужно уже возвращаться, пора на вокзал. – скосила взгляд на Сашу Мария. – А что мы там не видели? – Саша собрал новую охапку камней. – Молочные коктейли хочется... Да и люди приехали, поговорить можно будет. – Хреновой идеей было приехать первыми. Скучно... – Мэх... Надо было ехать скорым. С «Б» -шками... —

– Как думаешь, кто работает в порту? Я вот ни разу не знал ни одного человека, кто там трудится, хотя видно же, что там что-то делают, приходят суда, привозят грузы. – У маминой подруги муж там работает. Лоцманом. Заводит и выводит из гавани. Неплохо даже платят, он сыну даже квартиру купил. – Я же говорю какие люди работают? – А лоцман, что, не человек? – Какой же он человек, он – Харон. Маша вздохнула и кинула окурочек в сторону деревца со змеиной кожей. За всем этим безучастно наблюдали только безжизненные в это время года ржавые туристические эллинги.

Застолье было скромным, но приятным и новогодним. Большинство друзей вышли курить, с балкона и коридора слышался галдеж. В комнате остались трое. За окном закат, все окрасилось в теплый оранжевый цвет. Запеченные куриные окорочка были нетронуты, а ведь кто-то старался и готовил их. Ощущалась приятная тоска.

– Вот ты говорил, когда ты там, у тебя всё, словно во сне?

– Ну да.

Третий просто смотрел на закат, ему лень было дискутировать потому, что водка была великолепна, а последние суетливые дни истощили разум.

– А я сюда как стал приезжать, ощущаю здесь, словно это сон. Сознание цепляется за дома, воспоминания, а они убегают и убегают. Тают внутри.

– Может потому, что ты так редко приезжаешь? Не успеваешь акклиматизироваться.

– Да нет, в другом дело. Страшно мне от того, словно я везде уже чужой. Как вечная командировка.

– Ты сам этого хотел, разве нет?

– Хотел... Ну я же знал, что на самом деле все так окажется. Как падаешь в кроличью нору, и уже не можешь зацепиться за стены норы.

Третий повернул голову и изрек: «Так вернись».

– С тем, что я там повидал, я уже не смогу спокойно вернуться.

– Кроличья нора. Или Труба. Временная.

– Петля?

– Время имеет только две точки, всегда – прошлое и будущее. Ты никак не можешь остановить его ход. И можно представить время в форме трубы, и мы находимся только в одном ее отрезке...

– В каком?

– Разрежь трубу в одном месте и получится кольцо. Так вот это кольцо для нас и есть жизнь, мы движемся по кольцу, от рождения к смерти, но это только для нас так, в нашей плоскости, а если соединить эти кольца и получится огромная бесконечная труба, в которой время движется не только по кольцу, но и сквозь него.

– ... Давайте лучше водочки бахнем, когда еще так посидим?

Третий восторженно крякнул, и потянулся за рюмкой. Хлопнул балкон, значит остальные уже покурили. Выпили втроем.

Во сне он видел раскинувшийся широкий парк, с запрудами, озерами и журчащими потоками. Было светло и спокойно. На площадке под открытым небом, окруженной копиями греческих колонн, шло театральное представление. Сразу не было понятно, драма это или комедия. С трудом вслушавшись стало очевидно, что это не театральное представление, а аукцион. Где плата велась грехами.

– Ковер, три на полтора. Текстильная фабрика имени Эпштейна. Стартовая цена – два.

За ковер боролись бойко. Цена повысилась одиннадцати. Наконец, его купил высокий очкастый инженер. С трудом взвалив его на плечи он пошел прочь.

– Ящик с содержимым. Фабрика УДО «Стрела». Начальная цена семь.

– А что за содержимое?

– Как что? – удивился рядом сидящий мужчина, – Похоть.

В это время ящик купила прыщавая девушка в майке «Титаник». Забирая лот она сияла от радости и махала присутствующим ладошкой, словно стояла на сцене конкурса Мисс Мира, и на нее только водрузили изящную корону.

– Номера лотереи, Спортлото. Второй тираж, за май 1977 года. Начальная цена тринадцать.

– Совесть. Шестой разряд. Закалка 1965 года. Четыре.

– Счастливое детство. Шесть порядков, три травмы.

– Чревоугодие с индугенцией. Двадцать три.

– Счастье по теории Тернера. Два!

– Любовь в понятиях философов XX века. Бракованная. Работает в треть мощности.

Шесть.

– Смерть. Три стадии. Четыре.

– Комплект счастья, безотказный. Один.

Напряжение и страх нарастало с каждой секундой. Было страшно ждать дальше, вдруг твой лучший лот уже прошел. С другой стороны брать пустяк, когда впереди могут дать твоё личное счастье? Решится и брать сейчас или набраться терпения? А вознагражден ли будет самый терпеливый, забрав финальный, самый лучший лот? Или достанется ему коробка из-под шоколада с шуршащей оберткой?

*****

Один мужчина спросил Бога, почему он, благочестивый верующий, постоянно воздающий дары Храму, в смиренности живущий – не получает Божьей Благодати. А сосед его, живущий в грехах и размеренности, получает Благодать сверх макушки. Все, что просит, сразу получает, о чем не подумает, на все благословение. Господь сам в его дом приходит и с детьми разговаривает.

Бог не ответил.

Мужчина снова воззвал. Почему он страдает, пальцы в кровь стирает, молится день и ночь, ночью зуб на зуб не попадает от холода, ибо в доме его худые стены, а с крыши капает, сколько не латал, все равно мыши прогрызают, вода точит, доски гниют? Почему у брата его мыши сами в глине обваливаются, из дома уходят, да еще и дыры заделывают? Почему брат сколько ему не помогал, все равно живет в нищете и нужде?

Бог не ответил.

Мужчина еще больше расстроился. Почему, Бог, я, сколько не старался, но получаю за работу три пима, когда как лучший друг мой, и половину этой работы не делает, а ему из доброты целый перес приносят. Почему я все истины читаю следами на своей шкуре, а ему ты херувима присылаешь, который его от бед предупреждает? Когда сам он не скрывает себя, что к апостасии относится и с пренебрежением относится к вере нашей.

Бог не ответил.

Мужчина в сердцах стукнул по стене. Почему, Бог, когда я спрашиваю, ты отворачиваешься от меня? Почему я должен страдать больше других, будучи самым верным твоим слугой, любить тебя всем сердцем, говорить слово твое, будучи битым после? Почему я должен защищать Бога, который меня не только не замечает, а еще больше надо мной муки сгущает? Почему ты просто не отбросишь меня подальше от себя, если моя любовь тебе неприятна? Почему не сотрешь с лица земли меня? Почему уготованы мне после, не райские сады, а снова та же мука? Сколько должен я доказывать тебе верность свою?

Бог не ответил.

Мужчина закрыл лицо руками.

*****

Огромный, бесконечный подъем наверх. С острыми камнями, колючками, осыпающейся землей, ты поднимаешься и поднимаешься, падаешь, отдыхаешь, ведь тебе невыносимо тяжело, но продолжаешь. Ты знаешь, что миллионы, миллиарды, таких как ты, делают сейчас то же самое, но гора настолько велика, что ты никогда не увидишь другого. Часто ты наталкиваешься на кости, тех, кто присел отдохнуть да и умер, или любящие пары, которым позволили идти вместе, он тянул ее, обессиленную, да сам упал. Так и лежат, костяшки, друг на друге, в обнимку. Ты видишь вершину, поднимаешься изо всех сил, но за этой вершиной открывается новая, еще выше. Если хватает сил, упорства, смертельного безумия, некоторые счастливицы, одни на бесконечность оказываются наверху – на ровном унылом плато. Плато полно грубых, каменных склепов, куда они ложатся и обретают покой, длинной в десятки тысяч лет. Так они и стоят, грубые и нелепые монументы, посреди вечных ветров. Внутри спят, держась за углы каменных кроватей иссушенные тела, губы сжаты,

на лице гримаса боли, но они не смеют шелохнуться по многу тысяч лет, крепко держась за свое ложе. Очень редко, посреди этой унылой ветреной равнины проносится конник, с золотой маской на лице, в стройных доспехах и овечьей шкуре, на спине его вздымаются вверх две деревянных изогнутых коряги, в которые ровными рядами вложены длинные перья. Он входит в гробницы и пытается соблазнить лежащего встать, привлекая его разными земными благами, обещаниями, но лежащие только сильнее стискивают свою твердую постель, что аж ногти трескаются, но глаз не открывают. Тысячи гробниц посреди бескрайних серых полей. Никому, кроме конника, нет права тревожить этих спящих. Никому нет до них дела. Все остальные лежат внизу костяшками, обточенными ветром на склонах или среди себе подобных, поднимаются по склонам. Нет такого, кто бы спускался.

Дождь громко барабанил по металлическому подоконнику. Съёмная квартира в девятиэтажке, посреди микрорайона. Типовой микрорайон, дом 94-й серии, типовые люди. Эта история могла произойти, и, очевидно, неоднократно происходила во многих местах. Квартира, где оказался случайно и был всего один раз, в которой жили художники. Преломляясь и мерцая в потоках дождя, стекающего по стеклу, горели окна соседнего дома. Дело близилось к новому году, но осень не спешила передавать эстафету. На подоконнике сохлась кожура мандарина, о которую тушили сигареты. Стоял запах молодости и поиска себя. Запах коньяка.

Разговор, да и сама встреча возникли внезапно, но почему-то именно этот эпизод вьелся им в память, как заноза, которая попала в душу еще в те несерьезные годы и только сейчас возникла необходимость её вырывать. Разговор про другие миры, духовный поиск и первую любовь. Которая обычно глупа и трагична в призме юношеского максимализма. И несмотря на все медитативные опыты, книги о духовных практиках, именно тогда возникло горькое понимание несостоятельности и невозможности любых проявлений мистики в жизни, которая внезапно оказалась подчинена неопишуемому правилу полной бессмысленности, а значит отсутствию любого намёка на улику или подсказку, что же на самом деле происходит. Горечь понимания, внезапно принесла совсем новое тёплое чувство сопричастности с теми, кто также, глядя в окно, за тысячи километров задумывается о том же и страдает от возможности серьезно на все взглянуть. Каждый огонек в окне – стал чьей-то историей, чьей-то жизнью, связанной нитями с другими, всё это формировало бесконечно сложную и от этого прекрасную структуру Города. Многомерная среда взаимосвязей, которая вышла в фазу, когда пространство как явление перестало иметь значение, связи стали формироваться вне его, отражаясь в необъяснимых явлениях, вроде народных троп посреди только построенных микрорайонов или урбанонимов, значение которых утеряно и, возможно, возникло действительно из ниоткуда, сформированное самим Городом.

На улице было зябко, по входной двери били порывы ветра. Ждали друга, который подъезжал на такси, у него тяжелые пакеты, поэтому подмога спустилась вниз. Курили, обсуждали сессию. По лужам шипели колеса проезжающих машин, с балкона наверху докладывали международную обстановку, из окна соседнего дома жарили что-то на сковороде, справа, за углом звонким стуком отражался стук каблуков, запоздало возвращающихся с работы, а слева, с руганью сбрасывали деревянные поддоны с грузовой машины, припаркованной у служебного входа магазина. Окончание ругани терпеливо ждала девушка с ворохом накладных в руках. Ей было принципиально важно, чтобы поддоны потом сложили в коридоре. Скрипнули тормоза, дом справа озарился светом фар. Такси. В тот момент и стало окончательно ясно, что Город один.

МЕТАНОЙЯ, ЧАСТЬ II

Мария рассказывала свои странные истории, покуривая сигарету в школьном туалете. Школу на тот момент она давно переросла, да и училась совершенно в другой. Но в этой компании познакомились с ней впервые именно здесь. Поздно вечером в перерыве секции исторического фехтования, которая проводилась в школьном спортзале. Она приходила, чтобы пообщаться с теми, кого не считала друзьями, больше единомышленниками. Маше нравились неформалы и те, кто был против системы. Было холодно, на бежевой кафельной стене отсвечивали окна домов, преломленные узким прямоугольным стеклом и исполосованные тополиными ветками. Едко воняло хлором, дымом сигарет и хозяйственным мылом. Мария сидела на подоконнике, с интересом смотрела в черный провал вентиляционного отверстия напротив. Разговор был оживленный, заглушал хлестко журчавшую воду. Вне секции исторического фехтования они не были знакомы.

Солнце резало глаза, она приоткрыла глаз. Это был канун Нового года. Время, когда почти все объединены общим настроением.

- Просыпайся, принцесса, – прошептали его губы.
- Уже утро? – спросила Маша.
- Небо белей бумаги розовеет на западе, – улыбнулся он.
- Улыбнулась и она.
- Сегодня исполняются все мои мечты? – спросила она.
- Определенно, да, – ответили ей.
- Это правда? – спросила Мария.
- Если нет, то должна быть.

Мария привстала с постели, не открывая глаз, поискала ногой тапочки. Их не было. Встала и вскрикнула. Букет роз, небрежно брошенный у кровати, впился в мизинец. Отшвырнула цветы в угол комнаты. Подарок очередного ухажера. Нелепый ушастый длинноволосый фехтовальщик-толкинист.

Ванная была раздражающего ее модного цвета слоновой кости и в ней пахло яблочным шампунем. Она посмотрела на себя в зеркало. Темные волосы, растрепанные и секущиеся на кончиках, розовые щечки, светло-серые глаза и отсутствие ямочки над губой. Этой отличительной чертой она очень гордилась: в одной из переписок она узнала, что означает ямка над губой и с тех пор очень этим гордилась. Она не любила хранить секреты. В секретах был элемент несерьезности, а у нее такого не было. Она больше предпочитала загадку, чем секрет.

Телефон заходил в истерику, вызывая колебательные возмущения в воздухе.

- Он сказал, что не сможет ко мне прийти! – взвывла в трубке подруга.
- Мэх... Наташ, успокойся. Он обязательно перезвонит и предложит новое время, – «Дура, зачем реветь? Это же хорошо. Проведешь Новый год без своего придурка».
- Когда перезвонит?! Уже тридцать первое! А я так надеялась! – ныли на другом конце провода.

– Успокойся. Если действительно хочешь, то сама едь к нему, – «Мне совсем не интересно слушать твои проблемы.»

– А я хотела что бы у меня-я-а... – совсем разрыдалась девчонка.

– Да, очень важно, в дверь звонят, я перезвоню. Пока, – «Ага, захотела распрощаться с девичеством в новогоднюю ночь, с тем кого считала любимым. Все срывается, а каноны романтики и собственная глупость не позволяют это сделать в другой день. Путь на вершину школьной иерархии снова закрыт.»

Маша вырвала телефон из линии. Все равно отец потом всё починит. Родители уехали в другой город, к сослуживцам отца, праздновать там. Её оставили потому, что ценили свободу и личное пространство, и снисходительно предполагали, что она устроит «танцы и дискотеку» дома. Такова была легенда для отца, ему важно было поддерживать порядок даже в таких внесистемных вопросах. Если быть честными, то оставили совершенно безрассудно потому, что кое кто остро хотел провести время отдельно от дочери хотя бы с унылыми и пошлыми однополчанами мужа.

На кухне Машу ждали салаты, запеченная курица, половина таврического торта, неизвестное количество конфет и фруктов на двухэтажном подносе и поздравительная открытка. Она взяла мандарин и фиолетовым ногтем, вскрыла кожуру. Кофе был растворимый и прогорклый. Кофе и мандарины.

За окном расстилался большой город. Белый пар поднимался из труб и рассеивался в сером небесном блюде. Несмотря на тонкий налет снега на асфальте и крышах, дома казались какими-то еще более обветренными и проржавевшими, чем обычно. Пахло сосной, стоящей в зале, кожурой мандарина, снегом и шоколадом. Она поставила кофе на стол и пошла в свою комнату. Ногой сдвинула розы под шкаф и начала собираться.

Переделалась и взяла косметичку. Немного подумав, положила все в сумку.

– Ты красиво приводишь себя в порядок, – сказал он.

– Правда?

– Честное слово. Это таинство у тебя получается просто завораживающее. У тебя все красиво, – говорил он.

– А что самое красивое? – кокетливо посмотрела на него Маша.

– Ты... – ответил он.

Квартира была пуста. Ее душа была пуста. Все было пусто. Мерзкий запах Нового Года раздражал носовые рецепторы. Она сцепила зубы, встала и подошла к зеркалу. Надела бандану и поправила волосы. Надо было идти к Ане. Выключила телевизор. Открыла дверь и вышла на лестничную площадку. Лифт был исписан и полон окурков. «Кому поведаем, как жизнь проводим?» – нацарапал кто-то над кнопками. Она любила эту надпись и была благодарна тому, кто оставил ее здесь.

На улице холодно, слякотно и мало людей. Все сидят дома, нарезают салаты, смотрят «Иронию судьбы» и совершают прочие ритуалы. В окнах квартир видны разноцветные огни гирлянд, висящих на елках или прямо на окнах. У нее плохое настроение, она чувствует себя одиноко, оторвано от общего веселья. Наверное, это из-за отсутствия семейного праздника, подумала она. Но она не любит проводить время с родителями.

Возле редких продуктовых всегда много людей. Покупают впопыхах забытые ингредиенты, сладкую газированную воду, спиртное, много спиртного. Слышны частые хлопки петард. Мальчишки раньше времени тратят свой, внушающий страх даже военнослужащему, боезапас. Трелями из колонок и репродукторов льются колокольчики и колокола.

Аня жила в соседнем квартале, на улице Лепсе, в девятиэтажном доме. Маша собиралась провести Новый Год именно с ней. Не потому, что она так уж любила свою подругу, просто именно в этой компании ей было удобнее всего. С другими скучно и много алкоголя. Она позвонила в дверь. Аня вышла в поварском переднике, измазанном каким-то соусом. Из-за двери с телевизора вещал задорный голос ведущего Mtv.

– Привет, слушай у меня плохие новости.

– Что случилось? – ее брови изогнулись.

– Родители вернулись. Ничего не выйдет.

– Мэх... И ты, как примерная дочь, помогаешь им в нелегком кулинарном бою? – язвительно заметила Маша.

– Как видишь. Только не смотри на меня такими глазами, я ни в чем не виновата.

– Я ни в чем тебя не виню. Тебе помощь не нужна? Ну, там в чистке картошки, варке яиц, – продолжила она.

– Слушай, хватит издеваться. Ты где будешь? Я позвоню...

– Я не издеваюсь. Мне просто обидно, что придется такой праздник проводить с Ермолаевой и остальными. Много пить. В конце концов меня изнасилует Кубриков, – закончила она.

– Дура. Все меня мать зовет. И... С Новым Годом. Я позвоню! – поздравила ее девушка.

– Тебя тоже, подруга. С наступающим.

Маша спустилась вниз. Какое-то щемящее чувство в груди. Она охарактеризовала это как обиду, но потом решила что это чувство одиночества. Достала зеркальце, поправила прическу. Нужно было идти к Ермолаевой и проситься провести праздник у нее. Унизительно. На это еще нужно решиться. Тома Ермолаева, староста, жила в частном доме и с трудом упростила родителей не брать ее с собой к бабушке. И сегодня самые скучные и питекантропоподобные, собирались устроить у нее большую пьянку.

Она села в пустой автобус, пропитанный сладковатыми дизельными парами и проехала три остановки. В районе Кулика зловоние автобуса сменил запах дров. В кварталах частной застройки всегда так пахнет. На остановке, прямо на асфальте валялся представитель низшей формы человечества. Пребывая в алкогольном опьянении, низшая форма спала, наполовину засыпанная снегом. Маша прошла вверх по уклонистой улице. Издалека стало видно, что веселье уже началось. Коля Кривошеев стоял возле калитки и грозно осматривал окрестности. Скорее всего, в нем проснулся инстинкт пещерного человека по обнаружению коварных врагов, бродящих вокруг пещеры. Голова его покачивалась подтверждая фамилию.

– Машка? Эт... То... Ты, – с трудом выговорил он.

– Здравствуй, Кривошеев, что сторожишь?

– Да... Я за соком...

– А почему именно тебя отправили? Ты самый прямоходящий из остальных представителей племени?

Он исподлобья смотрел на нее, распознавать длинные предложения давалось ему хуже. Поэтому он просто повторил.

– Я... за соком

– Понятно. Ну удачи.

Во дворе на лавочке курил Саша. Он всегда был нейтрален и аккуратен со всеми. Самый вероятный союзник в этот вечер. Завидев ее он приветливо поднял руку.

– Привет. Не ожидал увидеть тебя тут. Ты же, вроде, у Аньки?

– Так вышло. Или ты не рад моей персоне? – спросила Маша.

– Рад конечно! Проходи. А Аня с кем?

– С родителями.

– Понял!

Она зашла внутрь. За столом сидело много народа. Было душно и тесно. Все пили водку и вино. Маше сразу стало скучно. Девчонки неодобрительно отреагировали на появление новой гостьи. На лицах застыли дипломатические улыбки. Обменявшись парой дежурных, не несущих смысловой нагрузки фраз, она села на диван. Ей налили вина. Праздник угас с ее появлением. Одноклассница прошептала другой: «Ну вот. Теперь весь вечер пройдет в философских разговорах. И вообще, кто ее звал?» Мария налила себе яблочного сока, вместо вина. Нужно было идти. Ей просто было жаль этих людей. Все здесь было неуместно.

Кривошеева не было на улице, зато он уже сидел на остановке и вдохновенно о чем-то беседовал с представителем низшей формы человечества на диковинном языке. Похоже представитель низшей формы советовал Кривошееву, где тут в окрестностях можно купить поде-

шевле портвейн. Последними словами, которые она расслышала, были: «Белая-белая, нестерпимая...» Видимо, речь шла о водке.

Начался противный морозящий дождь со снегом. Было тошно от всеобщей радости, которой она не разделяла и не чувствовала. Она хотела капризничать, все это остановить, сказать чтобы все исчезло лишь потому, что она так не хочет. Начало темнеть. Подошла к дому одной из своих подруг. С ней она меньше всего хотела провести этот день, но выбирать уже не приходилось. Маша остановилась на перекрестке, возле пятиэтажного дома, раздумывая. Там ее тем более не ждали. Больше не хотелось унижаться. Все было мерзко до тошноты, до рези в глазах. Противно от гламурной приторности выражаемых другими чувств. Маша развернулась и пошла искать такси домой.

Темно и одиноко. Она боролась с чувствами. В доме пахло праздником. Родителей не было. Маша сняла туфли и швырнула их ногой. Включила музыкальный центр и телевизор, тишина заполнилась чем-то неестественно радостным. Набрала себе полную тарелку еды и пошла в зал.

- Ну хорошо. Но что же будет дальше? – спросил он.
- А тебе какая разница? – огрызнулась она.
- Ты сама знаешь. Не надо скрывать свои мысли. Думай о них в первую очередь!
- Почему так гадко?
- Потому что зима.
- Планета-зима...
- Да... Белая-белая, нестерпимая.

Маша со злостью швырнула тарелку в стену. Салаты медленно потекли по обоям. В квартире была одна она. Она и работающая аппаратура. И это чувство. Она называла это чувством комнаты. Когда ты один, долгое время находишься в комнате и смотришь телевизор или читаешь, то все вокруг, в том числе и душа окрашивались в определенный цвет. Обычно в этой комнате она чувствовала коричневый цвет, а сегодня красный, блестящий, отражающийся множеством полированных граней.

Ей так никто не позвонил. Маша вспомнила, что оборвала телефон, поэтому ждать поздравительных звонков не имело смысла. Оставались поздравления по телевизору. Обычно, все новогодние передачи не рассчитаны на постоянный просмотр. Их цель – привлечь зрителя яркой картинкой в надежде на то, что он обратит хоть какой-то процент своего внимания на рекламу. Она переключала передачи. От одного канала к другому. Остановилась на музыкальном канале. Соседи за стеной громко праздновали. На улице взрывы дешевых петард слышались постоянно. Каждый взрыв болью звучал в сердце. Из открытой форточки тянул сквозняк с запахом пороха. Игрушки на сосне перестукивались.

Двенадцать часов. Начали греметь и шипеть фейерверки. Небо окрасилось разными цветами. Цвет ее души в этот момент был темно-синий, с красными прожилками.

- Трудно быть отвергнутой всеми? – спросил он.
- Почему?
- Ты отвергла даже сама себя. Ты просто ушла, – он пристально смотрел в глаза.
- Почему все так? – устало спросила Маша.
- Наверное, потому что ты другая. Поэтому просто жаль хранить тебя в одном экземпляре.
- Значит, таких как я много?
- Не настолько. Примерно по одной на город средних размеров. – он приставил палец ко лбу, словно что-то вспоминал.
- А зачем тебе это?
- Зачем, зачем... Да какая разница? Это же, в конце концов, красивая загадка. Да?

– Я больше не хочу быть загадкой... Кто ты на самом деле?

Он окинул взглядом город перед ним. Вздыхнул.

– Тишина избавит меня, надеюсь, от необходимости, прости за дерзость, объяснить...

– ... ты придешь за мной? – она не плакала.

– Тебе решать.

– Это правда?

– Если нет, то должна быть. – улыбнулся он.

Он ушел. Маше почему-то из ниоткуда пришло совсем неуместное моменту воспоминание вчерашнего дня, что связывающей абсолютно незнакомых людей в школьном туалете, был Саша, с которым кто-то учился в одном колледже, но на разных курсах, кто-то делил учебную машину в автошколе, кто-то познакомился с ним на вечеринке. Саша есть везде и у всех. Всегда нейтрален и аккуратен.

Она никак не могла поймать какую-то красивую глубокую мысль, с которой бы завершила этот неприятный день, но так и не смогла и незаметно для себя спокойно уснула.

МЕТАНОЙЯ, ЧАСТЬ III

Николай поправил доску, свисавшую с дверного косяка. Почерневшая, она висела на скрипучем гвозде, и царапала плечо каждый раз когда он невнимательно выходил. В сарае стоял затхлый запах паутины, земли и угольного масла. Это дед притащил с вокзала несколько шпал, которые придерживали стену слева. По полке полз паук, большой, тонкий, с ногами-волосинками и, не смотря на кажущуюся со стороны хлипкость, проходя возле стеклянных банок, заставил их трястись. А может это вибрация от товарняка, проходящего в это время по ветке неподалеку, огибающей район.

– Эй, сосед. – послышалось сзади.

– А? Петрик, ты?

– Ага... Слушай, сосед, угости камнем, мне надо диск поточить.

– А кто тебе сказал, что у меня камень есть?

– Да хорош заливать, ты мне в прошлом году ещё давал. Я же тебе дров напилю.

– Не давал я тебе ничего. Это ты у Валеры брал. Но камень есть, пошли вместе точить, знаю тебя, только попортишь.

– Так это в гараж надо идти... – замялся сосед.

– Значит пойдём в гараж.

Он накиннул ржавый замок на петлю, и пошёл за Петриком, обезьянья походка которого его всегда забавляла, так же неудобно ходить, а чудак ходит. Во дворе у гаражей дети пинали мяч, старушка подвязывала виноград, а старшая дочка соседей из 10-й квартиры уже шагала на учебу в училище. Выросла, конечно, та ещё дылда, нескладная какая-то. Петрик нехотя открыл гараж, в котором стоял прижатый листами ДСП мотороллер с кузовом, внушительная бочка канадской соляры, которую, впрочем, он тут же накрыл ветошью. Впереди, на двух досках, покоилась огромная дисковая пила, которую он ставил на кузов и ездил по району, пилил соседям крупные дрова. Кому за деньги, кому так, в долг.

Несмотря на кипящую вокруг этого двора суету, здесь царил гармония и спокойствие. Через квартал, да так, что некоторые слова было слышно, товаровед ругался с шофёром из-за просроченных накладных для местного Хладокомбината, кому они теперь нужны и как списать, да и поддоны, растяпа, отдал, это дефицит теперь. В километре от двора, у междугородних касс хрипели голоса возмущённых пассажиров поезда, отправление которого задержали на целых 4 часа – на 35-м километре затеяли ремонт, а южные рейсы теперь стали ходить по республиканскому графику, никак и не вклинишь этот злополучный поезд.

Они приладили камень к точильной машине, разжали диск пилы и принялись точить зубья. Ветер с треском раскачивал тополя, листья которых поблескивали на полуденном солнце. Опавшие веточки уворачивались от солнечного зайчика, светившего из окна многоэтажки, через реку, и постукивали о уже забытый детьми полупрозрачный мяч. По крыше гаража деловито шла кошка. Визжала точильная машина. Потолок плыл перед глазами. Потолок? Почему потолок?

– Сосед?! Палыч, ты чего?! Я неотложку вызОваю!

Казалось, что он уснул и зубья пилы были досадным сновидением. Казалось, что сейчас он, как и вчера сидит у телевизора и размышляет. Что было, что прошло. Ему виделась жизнь, как эхо детских грёз. Тех самых, которые сейчас роятся в голове детворы со двора. С годами грёзы становятся все тусклее, набирается опыт, как эти грёзы реализовывать, они становятся все приземлённые, а жизнь все более предсказуема. Было страшно обидно, что он так и не понял зачем это все ему надо. Внуки уехали, дети с ним почти не разговаривали, денег не хватало. Все его бросили, да и он сам махнул рукой и отсчитывал дни. Десятилетия назад дочь пошла в театральный, а он был слишком мягок и согласился с её решением, а теперь

жалел, еще больше, чем она. Да так, что втайне плакал, чувствуя себя виноватым. Помог ей поступить в студию при театре, а актриса она оказалась так себе. Он, как отец, не мог этого признать, ведь твоя же кровинушка, твоя дочь, не может она быть плохой. И вся жизнь у неё и сломалась, когда стало поздно он пытался ещё отговорить, а дочь на него ещё больше озлобилась. Живет теперь отдельно, в другом конце города, работает в мясном лабазе, и к нему приезжает раз в месяц, забрать пенсию и прибраться. Иначе соседи будут думать что совсем плохая дочь, кому эти разговоры нужны.

– Ну вот, Николай Павлович, здесь вас и положим... Ремонт недавно и сторона не солнечная, в глаза не будет светить. Еще лучше, чем в боксе.

Каталку, два раза ударив о косяк, все же вкатили в палату. За происходящим безучастно наблюдали другие пациенты.

– Вика... Бок...

– Ничего страшного, потерпите. Потерпите! Давайте приподнимемся и в койку... Вот так... Голову выше. Выше, говорю!

Штукатурка на потолке была растресканная, стены в ржавых потеках. Четыре квадрата солнечных зайчиков покачивались, представляя причудливую картину.

– Ну что, давайте знакомиться? Меня Николай зовут. – наконец произнёс он, когда пришёл в себя окончательно.

– Ты лежи давай, отдыхай. – сердито фыркнул смуглолицый, седовласый мужчина с золотыми зубами, в койке по диагонали.

– Саша. – приветливо сказал молодой парень напротив.

– Владимир. – проскрипел мужчина в очках слева.

– Будем знакомы. Как здесь, не обижают?

– Не бокс, конечно, но тоже ничего, и похуже палаты есть.

– А вы что, в других лежали?

– А нас перевели утром всех... Мы в 32-й все лежали, а там ремонт затеяли... Вот всех сюда и перевезли. – ответили слева.

– А здесь кто лежал?

– Черт его знает, у Вики надо спросить... Мы въехали, никого не было.

– Каталку только увозили с брезентом пару дней назад, умер здесь кто-то, вот нас и вселили. – дополнили напротив.

– Вчера увезли, хирург днём жаловался, что теперь бумаги оформлять. – поддержал разговор смуглолицый.

– Умер и умер, давайте о чём-то хорошем.

– В наше время и о хорошем? Кадр ты, Николай.

Николай начал втягиваться в больничный уклад. И даже понемногу стал привыкать к неудобной кровати и храпу Владимира.

– Сань, а подай сахар. Под пакетом... Николай, тебе сколько?

– Полторы. Вике только не говорите... Берите печенье.

– И раз... и полторы... передай ему. Так что ты считаешь профанация всё?

– Спасибо... Фуу, горячий, пусть остынет... Конечно профанация, как же, все вдруг цивилизовались и батюшки православные!

– Говорю тебе, вылечилась язва у человека, а он только свечки и ставил.

– Ну и что? Эффект плацебо, слышал? Самовнушение! Внушил себе, вот язву и перестал чувствовать.

– Кадр ты, Николай! Люди в церкви грехи замаливают, которые вон сколько лет творили. Володь, ну а ты что, от лица гхм... чекистов, скажешь?

– А что я скажу? Мне это, знаешь, до лампочки, я человек матереалистического ума, мы из другого теста сделаны. Но есть у меня одна история. В учебке, служили мы в Азии, еще до конторы. Товарищ наш того, хлебнул местной бражки. С кем не бывает? И зацепился с чертом местным. Тот ревет, извинись, а то воздаст тебе. А у товарища на эту тему пунтик в голове был, всю религию чуть не за контрреволюцию принимал. У него отец семинарист был, конфликтовали сильно, а дед на всю голову коммунист. Сам сына и засадил. В общем он черта этого восточного за шкуру взял и в их часовню завёл. Достал пистолет, направил на образ...

– Да слышал я эту историю! В чудесах и приключениях статья выходила, тоже мне свидетель, три осечки были, да?

– Ну в чудесах и приключениях может и осечки, а у нас пуля образ прошила напрочь. Ну в ключья. В ключья, верите? Чёрт восточный замер и только и повторял «Анатмавада! Анатмавада!». Мы в часть вернулись, по шее получили, недосмотрели мол. Товарищу полгода дисбата, а нас на юга отправили, радистов в горах охранять.

– И что?

– А то. Товарищ этот, после дисбата крышей и съехал. Я его потом, в дурке встретил. Анатмавада у этих – теория несуществования души. Вот у него на эту тему крыша и слетела. Уравнения какие-то решал и помехи на радио записывал. Говорил так с ним вселенная говорит. Мол раз бога нет, и души нет, и вселенная зародилась миллиарды лет назад, то все, значит, идёт от последствий большого этого взрыва. И любая твоя мысль в голове, это не случайная мысль, а химическая и электрическая реакция, просто результат сложных, пусть самых сложных, но последствий тех первичных частиц и энергий. А значит все, что подумаешь ты и сделаешь – в любом случае будет только тенью тех событий, предрешено уже и не имеет смысла. То есть ты таракан в лабиринте, который только по дорожке бежать и может. Вот вам и самовнушение.

– Интересное дельце. А в дурке ты сам что делал?

– Нам бумаги надо было получить, что морячок один косит. Вот я и ездил, заключение получить.

– Ай, вы со своим коммунизмом-материализмом, народу только голову и задурили! – размахивая руками воскликнул седовласый.

– Ага? Так в том то и дело, что голову как раз вам и задурили. Мы люди простые, иначе жили. А сейчас на таких простых все эти коммерсанты и наживаются.

– Ничего себе... А что же плохого в коммерции?

– А ничего хорошего! Жили нормально, по совести, а теперь черт пойми что, маму родную за гринь продадут, страшно подумать. По-дружке уже ничего не попросишь. Ведутся на деньги эти, как куры на крупу, а работать никто не хочет, только и продавать. Те же бандиты, хоть по совести поступают, вот я знаю...

– Так, мужики, брейк! Здесь не народный суд, давайте пить чай.

Молодой Саша чистил зубы под сиплое пение водопроводного крана. Седовласый ушёл в курилку стрелять сигареты и практикантов и узнавать у кого какая машина есть, чтобы свой автосервис порекомендовать. Владимир спал виртуозно похрапывая. Бок болел и он схватился за угол кровати, чтобы лечь поудобнее. Возле уха что-то шаркнуло. Он начал шупать рукой у холодной стены и смял пальцами тетрадь. Видимо она зажалась между изголовьем, а сейчас выпала на рейку. Замызганная в жирных пятнах тетрадь, подписанная «Метанойя». Внутри дневник, написанный аккуратной рукой.

Ты ешь, ты спишь, ты едешь, ты думаешь, ты работаешь, ты пьешь кофе, ты живешь. В лунной стране, под звездами, умираешь. Внутри слышишь тянущийся, нарастающий гул, словно искаженную скрипку или трубу, в которой проступают обрывки фраз какой-то древней, из самой колыбели человечества, песни. Песня, которую не заглушить музыкой,

но и не расслышать в тишине. Песня может оборваться стуком стрелки часов или грохотом будильника, но вернется почти сразу, как только ты помотришь себе в глаза в зеркале.

Каждый день создается новый мир, расцветает, как цветок. Форма, в которую облачается новый мир – бутон, в котором память – гинецей, а рассказ – лепесток. Рассказ, где Бог есть, а справедливость под постоянным вопросом. Любой единичный и дискретный элемент этого мира чрезвычайно тоскливый, похожий и, кажется, серый. Однако, совокупно эти элементы яркие и многогранные, как кристалл турмалина. И самое удивительное, что этих кристаллов много и большинство из них взаимно сопоставимы, хоть и не похожи друг на друга. Настолько сопоставимы, что при вращении одного из них, начинают, словно шестерни, вращаться остальные. Только, в отличие от механических, здесь кристаллы вращаются во все стороны разом. Все эти кристаллы и формируют такое необычное явление, как Город. Я ем, я сплю, я еду, я думаю, я работаю, я пью кофе, я живу. В лунной стране, под звездами, я умираю.

Чушь какая-то, подумал он. Дневник был полон белиберды про какой-то Город, всадников в золотых масках и бестолковых притч, очевидно надерганных из журнала «Наука и религия». Он пролистал к последней записи.

Очевидно, это конец. Пишу это лежа в палате неизвестно где. Финиш, лента замкнулась. Трубочка в золотой маске спускается за мной, я слышу его ход.

Самый лживый и трусливый игрок из всех победил. Он пускает вас просто, чтобы зубоскалить на другой стороне, наблюдать, как в этом гадюшнике вы будете изворачиваться. Вы играете на его площадке, по его правилам, которые он меняет под себя, как только понимает, что вы справляетесь. Здесь нет цели, нет награды, нет радости – только радовать его, как вы сейчас выползли из очередного дерьма и вползете в новое. Самая бесчестная игра – играть в футбол профессиональной командой, против слепого, глухого и безногого мальчика. А потом еще сажать его в карцер за проигрыш. Эта несправедливость не имеет пределов – ты страдаешь ни за что, ради потехи, а потом будешь еще дальше страдать за то, что недостаточно сильно лупил лбом о землю и молил его хоть ненадолго оставить тебя в покое. Он настоящий садист, который любит издеваться и давать нравоучения. Нет сил играть по этим правилам. Снова. Да лучше уже сразу, без всех этих прелюдий, и без унижительного процесса доказывания. Хватит быть мухой в вечной банке.

Величие в вашем царстве, я предпочту небытие.

Хочу исчезнуть раз и навсегда. Догнить на дне этой помойной ямы. Да так, чтобы искра этой самой мысли, угасла вместе с телом. Вы сами сказали мне, с самого детства сказали, что правила такие. И тут же в удачный для вас момент эти правила поменяли и задним числом меня за это изменение и наказали. Ломать и душить за такое – трусливая дешевая выходка. Раз доставит вам такое удовольствие – вперед. Но я не хочу здесь больше быть. Можете ставить в вашем чудесном списке прочерк. И празднуйте, никто же даже на шаг не приблизился к этому вашему безграничному величию. И никогда не приблизится. Мы как муравьи для вас, только один делает шаг в 2 миллиметра ближе к выходу – вы выжигаете весь муравейник, из трусости. Так вот я этот муравей, давайте уже, давите. Я слышу, тебя в коридоре.

Хлопнула дверь. Саша с полотенцем наперевес протянул руку в выключателю.

– Дядь Коль, я свет выключаю?

– Оставь, Рита еще не приходила.

В коридоре загрохотали подносы на тележке. Вечерние уколы.

– Кривошеев, к стене повернитесь, штаны спустите...

Дочь, поджав губы, исподлобья смотрела на дорогу. Запах бензина в такси удушал. Николай покрутил ручку, чтобы пустить немного свежего воздуха. За окном мелькали остановки,

заборы и тусклые вывески. Машина подпрыгнула на кочке, он крякнул и покрепче стянул ручку сверху. Дочка посмотрела на него, но ничего не сказала, только попросила таксиста свернуть на кольцо после пешеходного перехода и подняться вверх по улице. Глухой двор встретил их черными нависающими ветвями деревьев, подсвечиваемыми окнами кухонь и спален. Дочь, придерживая его под руку помогла подняться по лестнице.

В квартире было тепло, даже уютно, пахло домом. Он лёг на кровать и посмотрел на циферблат стилизованный под огромные наручные часы, висящие на стене. Уже к девяти близилось. Дочь ушла на кухню. Щелкнула спичка, потянуло табаком – на кухне закурили. Внук запаздывал, на выходные обычно оставался у отца, заигрался в приставку, видимо. Все вокруг напоминало ему о молодости: старый фотоаппарат в чехле, уже порядком пропыленный флажок ГТО, коллекция книг ЖЗЛ. Также на полке были незнакомые ему иконы и какие-то брошюры. Николай потянулся за пакетом, который взял с собой из больницы, и достал тетрадь. Она не давала покоя, вся написанная в ней галиматья сквозила дешевой подделкой, но он все не мог выбросить из головы мысль, которую никак не мог уловить, что, кажется, догадывался, кто это написал.

Он привстал с кровати, отдышался и прошаркал к окну. За спиной щелкали часы, а на улице, без устали, лаяли собаки. Вдалеке, через долину огней частного сектора, за ровным созвездием фонарей проспекта, красными рубинами блестели габаритные лампы вокзальной башни. Где-то за ними, у реки, был его двор, скрытый отсюда комплексом 23-го микрорайона. Николай понимал, что совершенно не хочет возвращаться обратно, но и оставаться здесь было еще горче.

КВАРТА МНЕМОЛИНИЯ, ЧАСТЬ I

Проводник, с грохотом, откинул люк, перекрывающий лестницу вагона и одним бессмысленным движением протер тряпкой поручень вагона. Пассажиры позади безучастно ждали, вглядываясь в лица на перроне. Наконец, проводник спрыгнул на асфальт и тут же отвернул лицо в сторону, чтобы избежать участи в перекладывании чемоданов пассажирам.

Станция была небольшой, но деловой, крепкие загорелые старушки с мешками под мышкой сновали меж небольших собраний студентов, закончивших практику на биостанции, и растерянных, раскрасневшихся, от ожогов на солнце, отдыхающих, которых волей маршрута забросило в это, совсем не туристическое место. В стороне курили молчаливые нахмуренные мужчины, собравшиеся батрачить в столицу, лица их были кислыми и сосредоточенными, деньги еще предстояло заработать. Над городом сгустились тучи, становилось душно, самые внимательные предварительно занимали места в зале ожидания.

Лев с ностальгией осмотрел знакомый с детства перрон и уверенным шагом пошёл в проулок между кассами и зданием дистанции пути.

- Уважаемый! Вы это куда? – послышался сзади гнусный канцелярский голос.
- Как куда? – удивился Лев, – домой иду.
- Здесь прохода нет, разворачивайтесь.
- Всегда был, мне на Житомирскую.
- Говорят вам прохода нет, разворачивайтесь.

Задетый, с пунцовыми щеками, Лев, сдерживаясь, чтобы не нагрубить лицу при исполнении, пошёл на привокзальную площадь, вместе с общим потоком. Монотонный голос перечисляющий номера маршрутов, перроны и время отправления захлебывался в общем гуле так, что никакую полезную информацию из него уже было невозможно получить.

- Лёва!! Приехал! Дай поцелую! А что с паровозом? Опоздал?
- Тётя Сима, здравствуйте. Ой, не через порог... почему опоздал?
- Так ведь в девять должен был... Проходи, проходи. Руки мой, вон рукомойник.
- Да я помню... А я же 32-м ехал, он к двенадцати и пришел.
- Садись к столу, я тебя так ждала, Лёва!

Лев подергал рычаг, взял серый обмылок и сполоснул руки. Придвинул чемодан ближе к столу и втиснулся в скамью. Тётя Сима тем временем выкладывала тарелку с нарезкой свежих овощей, солонку, роскошную, не под обстановку, супницу с половником, тарелку вареной картошки с курицей и большую банку компота с абрикосами.

- Ну с приездом мой дорогой, кушай давай, кушай. Ну как там дела?
- Ох, спасибо, тетя Сим, да все хорошо у нас. Гальке кандидата дали, там же на кафедре работает, Лёшку зашили, уже месяц как не пьёт, Санёк в рейс ушёл. Молодец стал, помогает, магнитофон привез нам японский.
- Вот и замечательно. Помидоры бери, местные это, у вас таких нет... Я всегда говорила. Нужно держаться вместе, семья это главное.
- Теть Сим, а чего это проход сюда с ПЧ закрыли? Пытался пройти, так не пустили.
- Да господь с тобой, никогда там не ходили. Как ТЧЭ перевели, так еще решетку приварили, чтобы в приёмную ПЧ можно было. Там у них, с другой стороны. С туалетов...
- Давно, значит, не был. Прошлый раз ходил.
- Путаешь, Лёва. Может ещё когда с Колей вы бегали, пролазили. Ох вы с ним здесь устраивали шороху, вся округа знала.
- А Сашка как? На смене сегодня?
- Да, на комбинате. Ты бы к Михаилу зашел. Он ведь тоже ждет.

– Зайду, тетя Сим.

За окном начал моросить дождь. Пахло свежей травой и размякшей пылью. Река напротив сбросила зеленоватый окрас на свинцовый. Громада хладокомбината, на другом берегу, потемнела. Лев осмотрел комнату, казалось все осталось таким же, как и много десятков лет назад. Все та же пирамида из подушек на кровати, фотокарточки тети Симы и ряды книг, старательно оберегаемых от пыли стеклянной дверцей, которую при жизни своими руками сделал дядя Исахар. Он присел на кровать и уставился в окно. С шелестом, весь в седом дыму, проехал хлебозов. Дождь тем временем кромсал облупившуюся белую краску подоконника.

Дождь сходил на убыль и Лев решил прогуляться к комбинату, проведать школьного друга. Город, с момента, как он помнит его, не сильно изменился. Конечно, и здесь, наконец, появились кооперативные магазины, первые вывески с диковинными заграничными надписями, а цветные телевизоры перестали быть атрибутом другого общества. Та разница, которая зияла между столицей и его родным городом начала медленно, но сглаживаться. Казалось, что даже здесь засветили какие-то перспективы. Лев, вздохнул, остановившись у затона. Холм, взъерошенный кронами берез и кленов, придерживал над собой прекрасное кирпичное здание старой партийной номенклатуры, до сих пор внушающее уважение и величие, несмотря на балконы, остекленные на разный манер. Да и сушащееся на веревках белье, что в столице встретишь редко. Над домом уныло сгорбились две четырнадцатизэтажки, которым и двадцати лет не стукнуло, а они осунулись, почернели и запестрели мусором, вываленным на лоджиях. Как два оборванца эти башни нависали над аккуратным серым приземистым красавцем, который им в деды годился. Сквер, у затона, еще не был застроен ларьками и киосками и его запустение только придавало ностальгии. Очень давно Лев пинал мяч в этом сквере вместе с двоюродным братом Сашкой и другом из соседнего двора, Мишкой.

Комбинат скрывался за рядами тополей, вдоль шоссе, слева от затона. Сквер у проходной был увенчан памятным камнем, что именно здесь, когда-то стреляли в одного из лидеров революции прямо на манифестации. Никому уже не было дела до этого камня, сейчас на нем стояла банка импортного пива, а каких-то пару лет назад всегда лежали цветы.

– Ой, Лёва, вот так сюрприз. Здравова!

– Привет, Саша!

– Ну как там? Проходи, рассказывай! Галина как? Почему не приехала? Алексей работу нашёл?

– Галя кандидатскую защищала, в командировку направляют, в обсерваторию, так что в следующем году. А Лёшку зашили мы, торпеду... Он же совсем запил, под себя начал ходить, а коммуналка же.

– Ой, ёшкин-матрёшкин, что же делается... Погоди. Пропуск? Здесь время впишите. Мехцех? Ага... Проходите. А что ж он так?

– Ну как... Все пережить не мог.

– А что ему переживать?

Лев скривился, словно что-то вспоминая, и, сделав усилие ответил.

– Да там, неважно. Слабохарактерный он.

– Леша то? Странно, ну ты продолжай. Эй, мужчина...? Вы куда? Пропуск есть? Пусть тот, кто вас вызывал пропуск и несёт, здесь комбинат.

– Санек в море уже ходит. На сухогрузе цветной металл вывозят, пока только в прибалтику, но молоток, магнитофон купил, помогает очень.

– Не захотел он все же во флот? Вот молодежь.

– Да какой сейчас флот. Смех один, а жить надо.

– Ай? Куда? В 7й цех... Не могу я выйти. Сами и спрашивайте. В канцелярии, да... Слушай, Лёва, работы много, дежурить же надо до утра. Будь другом...

– ...Какую?

– Да обычную, пшеничную.

Лев брел в сторону от комбината. На душе было гадко. Солнце пряталось за тополями, окрашивая город в беспощадный бардовый цвет. По улицам тряслись автобусы с озлобленными уставшими людьми. Учителя с раскрасневшимися шеями красили забор школы, проклиная все вокруг и отклеивая прилипшие листья, рано опавшие из-за засухи. Спустившись по разбитой лестнице к набережной он свернул в центр. Между семинарией и музеем был небольшой хозяйственный двор шинного треста, где теперь расположилась церковь баптистов. Лев спросил Михаила. Женщина, с перекошенным параличем лицом, скрылась за крыльцом, шаркая запыленными резиновыми тапками.

Михаил изменился. Пожелтевшее лицо было покрыто морщинами и темными сосудами. Блестящие ясные глаза словно проваливались куда-то вглубь и, казалось, он силился успеть ими разглядеть больше, пока они окончательно не утонут в лице.

– Лева, здравствуй. Как давно мы не виделись.

– Здравствуй, Миша. Или как тебя теперь называть? Отец...

– Да брось, Лев. Рад тебя видеть. Надолго к нам?

– Несколько дней. Может хоть в сквере присядем?

– Пойдем, только рад.

Сквер был непривычно неухоженный, мусор отблескивал в сумерках, а целую скамейку они нашли на стороне, противоположной семинарии. Под светом фонаря, который, словно электроны атом, облепили суетящиеся мошки, они и присели.

– Ты мне вот что скажи, тебе хоть платят за это? – хитро прищурившись выстрелил Лев.

– Я тебе больше скажу, Лёва, я ещё и сам плачу, будешь смеяться. – Михаил был готов к выпадку, как опытный фехтовальщик тренировочному удару.

– Шутки все шутишь. А если серьезно?

– Серьёзно. Десятину не платим, но сколько могу – каждое воскресенье. Но это дело добровольное, если что.

– Гхм... а деньги куда уходят? Богу?

– Много служений разных. Ходят в онкологию, помогают больным, из Роши. Там можешь сам зайти, спросить про баптистов, тебе любой скажет, что мы делаем. По тюрьмам тоже ездят, это, правда, без меня, я как-то... не могу. По детским домам, вот, недавно была евангелизация в Ивановку. Молодёжь отправилась, песни там поют, подарки дарят. Детям нравится. Дети понимаешь какие, да? Вот эти, которые не очень. Я имею в виду, с головой у них не очень. Что они там видят в жизни? А так вот, приезжают...

– Песни они поют... Миша, так а деньги куда уходят? На поездки что-ли? Тут глядишь голов пятьдесят вас будет, активистов. – Лев многозначительно посмотрел вдаль, словно все баптисты выстроились с номерами с другого конца сквера.

– Лёва, вот ты всё деньги считаешь. А много тебе радости от них? Я-то не разорюсь раз в неделю пятёрки отдать, мужики во дворе столько на пиво тратят. Я лучше туда отдам.

– Да тут глядишь, может лучше и пиво... – , прокряхтел Лев – Ты бы тогда в этот пошел, как их называют? Фонд благотворительный, тоже самое, деткам помогают, игрушки дарят, так хоть какой-то государственный надзор, а у тебя, черте что какое-то.

– Ты вот мне скажи, Лёва. Ты нищим подаёшь? – оценивающе прищурился Михаил.

– Нет! В Огоньке не читал? Там все схвачено, такие вертихвосты, нам с тобой и не снилось. – брови Льва поднялись как копыя.

– Читал, читал. Но это такой вопрос: дело не в том, куда конкретно эти деньги пойдут. Вопрос в том, откуда. Если ты отдаёшь деньги от сердца, то Бог их сразу себе берёт. Если люди их куда-то не туда употребили, это уже на их совести. А ты стал немного лучше. Немного научился отдавать. Ты вот деньги копишь-копишь, а завтра правительство сменилось, и всё

по ветру пошло. А так ты берёшь и вот прямо здесь покупаешь себе немного радости. Немного души.

Лев скривился, словно съел кислую сливу. Яд этих разговоров даже сюда проник, подумал он.

– Да не болтай ерунды, режим у него сменился. Я понимаю гласность, но чуши то не городи. Это тебе, видимо, твои заокеанские друзья подсказывают. Никуда правительство не денется, страна как была, так и останется. Да и откуда Богу знать, как ты деньги отдаешь, от сердца или может специально хочешь задобрить его.

– А кому же знать, если не Богу? Это только тебе и Богу известно, как ты распоряжаешься тем, что тебе дано. А правительство-то, может, и не денется, а вот твоя душа денется. Сегодня ты здесь, а завтра уже в гробу. И все эти бумажки – оп! – и нету их. Умираешь голым, так же, как и родился.

Льву начал нравится диалог, он заулыбался и он постарался усесться на скамейке поудобнее.

– Хехе, душа. Вон Гальке аппендицит зимой резали, никакой души не заметили. Смешно же. Что такое твоя душа?

– Это, Лёва, разница между тобой и твоим трупом.

– То есть разум? Мой разум и есть душа?

– А у тебя, что, только разум есть? Чувств нет? Желаний, надежд? Разочарований? Опыта, вот этих всех трещин, которых жизнь в нас понаделала? Человека же не в конструкторском бюро делают. Душа – это вся твоя жизнь. И весь мир. И Бог тоже.

– Да Бог тут причем? Я жил и без него и планирую без него и закончить. Тогда где она, душа? В опыте? Я сам его нарабатываю. В желаниях? Тоже я сам. Живу, значит, без души, сам по себе

– Это тебе только кажется, что ты без Него жил. Муравей тоже думает: да я отлично справляюсь! Смотрите, какой у меня муравейник! Высокий, внутри еда, а если кто-то придёт, я спрячусь. А помнишь, как мы такие муравейники мальчишками раскапывали? Эх, дурные были, несчастные муравьи, ползали, паниковали... Вот так и с жизнью. Живёшь такой уверенный в себе, а потом...

– ... Потом вот в баптизм и уходишь. Нет души, Миша. Нельзя доказать, что она есть.

– Я, Лёва, не доказыватель. То, что душа есть, доказывать не надо. Когда тебе плохо, она болит. Когда хорошо, радуется. Когда приходит время, она уходит, и ты не можешь не заметить этого момента. Душа – это ответ на вопрос, зачем ты тут, на Земле. Я вот шестой десяток разменял, а другого ответа не нашёл. Ну что, ты когда молодой, бегаешь за женщинами, суетишься, надо тебе всем что-то доказать, какой ты ловкий и шустрый и умный. А потом ты остаёшься наедине с собой, и выясняется, что всё это был дым, пыль. Строишь, что ты нажил, и понимаешь, что люди, которые с тобой веселились, ушли, потому что ты уже и сам не такой весёлый, как был. И в конце концов выясняется, что не нажил ты ничего, кроме камней в почках. И даже если ты кому-то что-то доказал, то и от этого радости нет.

– Лет эдак тридцать назад ты говорил иначе. Что мы на земле для сглаживания неравенств классов для построения социалистического общества... Так что, выходит душу никто не видел, доказать ее нельзя, но она есть?

– А ещё лет тридцать назад до этого я говорил, что меня нашли в капусте. И, надо сказать, верил в это не меньше, чем в классовую борьбу, что правда, то правда. Я на это неравенство здоровье положил, а вместо равенства только седые волосы и неврастения. А ещё сто лет назад про радиацию не знали. Про радио. Что можно изображение по воздуху передавать, а потом их через тысячу километров смотреть в деревянной коробке. Кому бы рассказал, засмеяли бы, вот как ты сейчас смеёшься. Так что дело не в том, можно душу доказать, или нет, а в том, как ты сейчас живёшь, веруя в неё или не веруя. Вот человек верует, что если делать плохо, то

душе вредишь, и исправляется потихоньку. А не верует – и погибает. А потом придёт к Богу и скажет: это Ты виноват, что я погиб, потому что я не дождался, пока наука душу докажет. Но ведь ты-то уже сейчас можешь начать жить по-божески, не дожидаясь, пока наука этим займётся.

– А если не будет там, Бога твоего? Некого будет сказать. Совести только своей, что жизнь потратил на бегу за сказкой, где душу твою, что морковку кролику, подвесили перед носом.

– А тут расклад очень простой. Я вот сейчас пять рублей отдал – мне радость. Прожил день – благодарю Бога. Даже если Его нет, я хоть засыпать стал со спокойным сердцем, а не как раньше, когда я без ста грамм вообще выключиться не мог, так меня жизнь крутила и сам я себе нервы крутил. То есть жизнь моя проще не стала, но что-то я получаю уже сейчас. Это знаешь, как говорили: «мирное небо над головой». Так вот оно мирное, когда у тебя – хочешь, смейся – в душе мир. И вот, допустим, зря я кому-то каждый вечер говорю «Спасибо». Ну что ж теперь! Не так уж много я потерял. На что бы я мог свою жизнь тратить вместо этого? С мужиками в домино играть вон во дворе? Или в ларёк за пивом тащиться? Или власть на кухне ругать? Нет уж, я себя как-то не чувствую обделённым. А вот что я выиграл – так это вечную жизнь. А теперь представь, что я решил свою жизнь потратить на какие-нибудь пустые вещи, как я и сделал. Ну? Что я выиграл по итогу? Да ничего. А проиграть могу целую вечность. Так что тут такие, знаешь, ставки. Если даже и поставил, ну, ничего нет, ничего не теряешь. А если выиграл – то поставил копейку, выиграл миллион.

– Вечность... Будет тебе вечность. Ты вон как угробил себя на «Домне-девять»... Сказал тебе кто-то «спасибо»?

– Какой домне? Ты о чём?

– Ой, точно, извини... На БАМе... Только Бог твой тебе спасибо тоже не скажет. Также ты на него и отпашешь, в своем баптизме.

– Это ты сейчас, Лёва, за Бога решаешь?

– А если проку от него, кроме как засыпать по ночам спокойно, то почему бы и не порешать.

– Ну так это, Лёва, как-то бездоказательно, ты уж или трусы надень, или партбилет на стол положи. Это ты сейчас свою религию изобрёл только что, где Бог к тебе равнодушен, и обвиняешь в этом мою религию. Эдак аргументы можно какие хочешь выдумывать на ходу.

– Так если Бог только в голове. Нет его вокруг – не видно. То значит и выдумывать можно, что хочешь.

– А кто тебе, Лёва, сказал, что Он только в голове? Ты так сам себе поддакиваешь, что везде кругом оказываешься прав. Глядишь, сейчас придёшь к тому, что раз Бога нет, то Бога нет.

– Ну ты же сам говоришь, даже если нет, то засыпать стал хорошо.

– Так ведь это скорее говорит в пользу того, что Он есть, разве не так?

– Не так, брат, он есть потому, что тебе твои эти друзья заморские это внушили. Раньше же не было? А тут как с ним якшаться стал – так и появился. Вот тебе и зависимость.

– Ну как это раньше не было, Лев Соломонович? Всего семьдесят лет как отменили. По историческим меркам – пустяк.

– Ну да, вот без Бога мы в космос и полетели. Прямая, скажем так, зависимость.

– Ну тебе-то, Лев Соломонович, от космоса теперь холодно или жарко? Я не говорю, что не надо было, там-то интересно, наверно. Да только видишь, вон детишки? Убежали уже, ну ты на слово мне поверь, они там были, и их таки можно было увидеть своими глазами. У них мода появилась новая, они клея в пакет нальют и нюхают его, а потом ходят осоловелые. Минутный клей, современный полимерный. А теперь представь на секундочку, что если б у них мамка была в баптистах. Может, ходили бы не такие чумазые, да не такие никому не нужные, как сейчас, а? Как думаешь? А ведь они, если не снюхаются, то ещё ж и вырастут во что-то.

И что это будет? Это сейчас они клей нюхают только, а потом им надо будет ещё что-нибудь. И они тебя или меня за последний рубль прирежут и даже не икнут. Так может, лучше б они в церковь пошли? А то что-то Гагарин не очень-то о них позаботился. Ну или я чего-то не знаю, может, он за углом стоит с конфетами.

– Может они клей и начали нюхать, как все стало дозволено. Такого бардака никогда не было! А твои друзья тут как тут, капканы уже расставили, проходите, гости дорогие, вокруг мол грязь и разруха, а мы сеем вам вечное. Креститься только не забывайте.

– А ты подумай, откуда этот бардак то и возник?

– От таких, как твои друзья он и пришёл. От коммерсантов, кто родину стал продавать, которую мы с тобой своими руками строили. От демократов этих, черт бы их всех побрал! От разговоров таких и возникает этот чёртов бардак!

– Спокойно. Давай закругляться. Ну-ну, ты не сердись ты... Что-то мы устроили теософский диспут. Знаешь, ты что завтра делаешь? Давай я к вам с тетей Симой заскочу на чай?

– Валяй. Ну учти, чаем не отделаешься, там по хозяйство помочь надо будет. Я с шифером один не управлюсь. Шифер тебе Бог не запрещает перекладывать?

– Не запрещает, даже рекомендует. Ну, уговор. Только я это... Не пью. Ну это я просто так, предупреждаю.

– Да я уже понял.

Разговор оставил горькое впечатление у Льва. Уверенность Михаила злила и сбивала с толку. С возрастом приходили естественные сомнения, как же ему так повезло, обыкновенному парню из обыкновенной школы дошагать на своих двоих до ведущего инженера крупного комбината. Было ли это везение или чья-то помощь, хотя он никогда не просил о помощи, делал сам, но подсознательно, как и все, надеялся, что судьба сложится наилучшим образом. Но он гнал эти мысли дальше, это все паутина, которую Миша навесил ему на глаза. Так уже было, когда он убеждал про чудеса запрещенной кибернетики, а теперь про чудеса баптиского Бога.

Лев ощущал себя одиноким и брошенным. Все, кого он знал, в его глазах оступались и сворачивали куда-то в сторону. Он все меньше ощущал связи с тем прошлым, которое его самого и выпестовало. Этот городишко становился все гадостней. И гадостней всего чувствовал себя он сам, возвышенный, обеспеченный семьянин из северной столицы, куда они и не мечтали попасть. А теперь не о чем и поговорить с теми, с кем прожил большую часть жизни. Хотелось вытащить оттуда, из недр прошлого себя самого и Мишу и Сашу, теми, кем он их помнил. Проходя темными слепыми переулками он вышел наконец к проспекту и заскочил в гастроном. Очереди уже не было, несколько запоздалых покупателей поджав губы оценивали залежалую колбасу под стеклянной витриной. Выцветшие фотокарточки из поваренной книги над стеллажами убеждали, как правильно сервировать пищу трудящихся, да под шампанское и, так ни разу никем не увиденную, травяную водку. По крайней мере Лев, охочий до редкого алкоголя, сколько не спрашивал, положительного ответа, где такую достать, так и не получил. Вдруг взгляд упал, а ноги подкосились. У прилавка стояла она. Лицо опухло, но глаза, хоть и безобразно накрашенные, узнавались, и отсутствие ямки над губой, чем она гордилась, придавало лицу королевские черты. Она его тоже заметила. Жгуче и выжидающе. Наблюдала как поступит. Он покраснел, все горело, неловко изобразил, что забыл что-то на улице выскочил из гастронома.

Когда, наконец, он остановился, было уже совсем темно. До дома тети Симы было недалеко, но он уже не торопился. Только часто-часто моргал и тяжело дышал. Медленно опустившись на скамейку, огляделся. Железнодорожная насыпь высилась поблескивая полированными рельсами. За ней, среди шепчущих деревьев, тянулись две девятиэтажки, поблескивающие золочеными домашними огнями, скрипящий фонарь гаражного кооператива, растянувшегося вдоль путей, холодными лучами поглаживал ржавую будку сторожа. За гаражами

тускнели блочные двухэтажные бараки, завершавшие квартал. За спиной шелестела черешня, застывшая в прыжке из чьего-то двора прямо на дорогу. Слышалось только шелест мотыльков, штурмующих плафон фонаря над головой и шелест полиэтиленовых пакетов, разбросанных на пустыре перед путями. Ему было очень страшно.

Воспоминания в голове смешались в кучу. Уютный запах ее квартиры, китайские гобелены, которые ее отец привез из военной командировки на восточной границе. Скрип писчего пера, шелест бумаги-промокашки. Первые встречи. Михаил, еще совсем юный, с жиденькой порослью над губой, с жаром и азартом рассказывающий как наши физики сделали кольцо, в котором сталкивают частицы и все это уже можно посчитать на большой машине. Всей компанией они собрались у Ермолаевой, после субботника. На улице нещадно бил дождь, а они согревались горячим чаем и коньяком, который достали из секретера, и заменили на чай, пока Кривошеев, тогда еще рубаха-парень, не заменит его на нормальный, через своего брата. Верили, что временная подмена не будет замечена. Только через неделю Ермолаева пришла с синяками, а Коля лично относил ее отцу две бутылки дагестанского, в качестве извинений. И тогда, в гаме самонадеянных и вдохновенных разговоров, она смотрела на Льва, своим пронзительным взглядом. Миша, быстро сообразивший что к чему, ловко сманипулировал посудой, пересел к большей кружке, проложив Льву дорогу к креслу. Тот самый Миша, который сейчас в засаленном спортивном костюме таскает воду в баптистском дворе. Окончательно сломавшийся после какой-то чудовищной истории на БАМе, в тайге, где его романтизм натолкнулся на реальность совершенно ему незнакомую, существовавшую вопреки стране, в которую он так верил и которой отдал все. И Коля, скуластый, с горящими, как угли глазами, без усилий и размаха забрасывающий пудовую гирию, а потом звонко поющий под гитару, под восхищенные взгляды девиц, сейчас лежал зажатый плесневелыми стенами дома умалишенных, забытый, а может уже давно и не живой. Много лет его никто и не видел. Все они стояли перед Львом и смотрели на него. Нет, не пустыми глазницами черепов, хуже, смотрели своими глазами, живыми и внимательными. Из-за их спин и гимнастеров выглядывала она. Черные, как колодцы зрачки, не осуждающие или ненавидящие, а ожидающие ответа, искривленные губы и сжатые добела кулаки. Льву нечего было сказать. Для каждого из компании у него были оправдания, Мишу не отвалил от авантюры БАМа, Лиде отказал в комнате, когда она приезжала поступать в политех, занят был, важная встреча, благодаря которой попал сначала в бюро, а потом и на комбинат, нельзя было перенести. Колю побоялся взять к себе, слесарем в гараж, он уже тогда крепко пил, боялся за репутацию, такого рекомендовать. А ей нечего было сказать. Лев был виноват, он это знал, это был древоточек на полированной поверхности его репутации, которого он старательно клеивал и закрашивал.

– Что вы все уставились? Я вам не мать кормилица... Я не должен был вам всем помогать.

Владимир Иванович во втором ряд опустил взгляд и мелко мелко разочарованно затряс головой.

– Я не в ответе за вас всех. И не надо мне тут, Владимир Иванович, глаза прятать. От сына вашего никакого проку всё равно бы не было, возьми я его или нет. Да и кто я вам? Народный депутат? Инженер, тля. Мне самому жизнь устроить нужно. Мою жизнь. Собственную!

Взгляды гудели в унисон уличному фонарю.

– Я в отличие от вас вообще советский еврей. Беспородная шельма. Вы хоть знаете что мне пришлось пережить? У вас возможностей сколько было. Коля, что ты рыло отвернул, нет ты смотри, в глаза давай, раз пришел. Ты же радист был от бога, в училище учился. Почему запил? Я что-ли виноват? Почему вы спрашиваете меня? Идите вон у Мишиного Бога спрашивайте. Кто я вам? Служба услуг? Кто-то из вас на моё место пытался стать? Говно за Сашкой убирать, когда он перепивал? Кто-то, ну? Куда вы расходитесь?

Он знал, что расходились не потому, что реагировали на его слова. А потому, что ему нечего другого было сказать. И он и они знали, что он мог помочь, в сложные моменты, но не помог. Осталась только она.

– Я тебя ни о чем не просила.

– Уходи. С ними уходи. Тебе с ними место.

– Я тебя ни о чем не просила.

– Что ты хочешь от меня услышать? Ну извини. Так получилось? Что ты хочешь? На колени стать?

– Я тебя ни о чем не просила.

– Не просила. Я сам все. Сам, да, но ты куда смотрела? Я что заставлял тебя? Да я тебя хоть пальцем... Что стоишь, уставилась? Ну не вышло. Не полюбил я тебя, слышишь? Не полюбил. Мало ли что обещал, я тогда сопляк был. Из-за тебя и уехал, чтобы никто не узнал. Да. Да! Что мне здесь оставалось делать, в этой дыре? Тебя я не любил. Жену люблю, тебя нет. Давай, давай, смотри, в глаза прям мне смотри. Нет моей вины. Мало ли, что я там по молодости сказал. Не надо было ждать, свою жизнь сама устраивай.

– Я тебя ни о чем не просила.

Тетя Сима храпела в средней комнате. В шкафу затряслись рюмки – шёл тяжелый товарняк, груженный зерном. Лев лежал на боку и смотрел в окно. В открытой створке отражались огни девятиэтажек, недалеко которых он сидел пару часов назад. Город, как бессмертный шут, зубоскалил над Львом. Бесчувственный, неуправляемый и злой, он намеренно мозолил ему глаза своими огнями, даже не огрызаясь на мысли и упреки. Что мне с твоих переживаний, старый еврей, я и не такие видел. В каждом из этих окон, что ты видишь, люди, достойнее тебя и выше. Им не нужна была столица, чтобы чего-то достичь, вот они, блестят у меня на груди, живут себе. Им, в отличие от тебя, не нужно было переклеивать лист с расчетами, в научной работе. Думаешь ты один это знаешь? Думаешь есть разница в какую урну ты бумажки выкинул? Я сожрал твой лист, ты в меня его выкинул. То-то ты распинался там на улице, жгло же. Не своей дорожкой в комбинат то попал, а моей.

Сделанного не вернешь. Ты перед ней можешь извиняться сколько захочешь, но только жизнь уже сломана. Твоя трусость и гордыня стали нашим с тобой стимулятором, брат. Оставаться в городишке и встречать ее, смотреть в глаза. Даже не ей, плевал ты, родителям её смотреть в глаза. В их восхищенные и счастливые глаза, полные оптимизма и надежд. Смотреть и обещать, а потом, спешно собирая вещи, ехать в чужой город, большой и жестокий, в пору тебе по плечу, и бежать подальше от этих воспоминаний, прямо в бездну. Та самая жертва, которую бросил на алтарь мне, чтобы получить то, что захотел. Я Демиург посильнее Мишкиного. Того ты просишь о чем-то, а я так дам, что хочешь. И она и все друзья, это дрова, которыми алтарь и растопишь. Не робей Лёва, мы с тобой еще им всем покажем. Дома жена ждет, рыба фиш, сдался тебе весь этот неблагодарный гнус.

Лев закрыл голову подушкой, тихо выругался, подождал пока воздуха стало совсем не хватать и убрал, вдохнув ледяной поток. Стало немного легче. Он совершил ошибку, позволил легкомыслию вырасти до вершины мерзости, а когда остановился было поздно. Глотал слёзы, жмурил глаза, желал вернуться в прошлое и исправить, но время только насмехалось над его потугами. А теперь она, эта ненавистная дура, смотрела на него своими черными глазами в гастрономе и он, даже спустя десятилетия, просто сбежал, поджав портки.

Часы стучали, храп стих. Лев повернулся на бок и уставился в рисунок ковра на стене, знакомый ему еще с детства. За окном звонко прогудел локомотив, загрохотало эхо колесных пар, бьющихся о стыки рельс, даже сверчки притихли. Ведь она сейчас где-то тоже думала о нем, плакала в подушку, может, если все слезы еще не выплакала. То, что узнала его в гастрономе, было очевидно. Наверняка сидела сейчас на балконе, в родительской квартире, все тогда

завидовали, дом-башня, еще и в самом центре. Он никогда не задумывался, как же в действительности сложилась ее жизнь, прятал эти мысли так, что она существовала для него в другой реальности. Куда-то же ездила, работала, встретила мужчину, может разведена уже? Ведь за это время у нее прошла жизнь не менее насыщенная, чем у него.

– Лева, просыпайся. Миша пришёл!

Он с трудом распахнул глаза. Рисунок ковра пестрил перед глазами, но уже в утреннем свете. Страшная ночь прошла, доносился запах яичницы и кофе, в соседней комнате работал телевизор и гремели кружки, которые раскладывал Михаил.

– Лева, ты представляешь какие новости? Николай нашелся!

ТЕОДИЦЕЯ, ЧАСТЬ I

Салон автобуса носило из стороны в сторону, все скрипело и трещало. Александр безуспешно пытался заткнуть штору, раздражающе хлеставшую его по лицу, и при этом удерживать сумку с конфетами и подарками для тети Гали. Мама рядом безучастно наблюдала за его борьбой со шторой. За окном тянулись однообразные заборы комбинатов и автобаз, линий электропередач и редких пустырей, окруженных лесополосами.

– Женщина, семнадцатый дом на следующей...

Мама дернулась, видимо уснула, поблагодарила и ринулась пробираться через салон, хватаясь за ободранные ручки кресел. Саша плелся за ней удерживая сумку между ног.

Они стояли у новенького универмага, украшенного еще только двумя типовыми вывесками – продукты и хозтовары, под которыми красками уже разместили стрелку «аптека, 150 метров» и «Видеосалон». Саша восхищенно присвистнул – такая дыра, а уже видеосалон. Автобус пыхнул сизым дымом и погрохотал в сторону. Асфальт кончился, началась территория нового микрорайона. Валялись какие-то обрезки проводов, бумажные пакеты с окаменевшим цементом внутри, щебень и гильзы из под порохового гвоздомета. Через дорогу, после траншеи, в которую только уложили трубы темнела огромная нелепая бетонная площадка. Саша инстинктивно поежился, казалось именно эта бессмысленная площадка с ограждением вызывает шквальный ледяной ветер вокруг. За площадкой, тянулся пустырь с редкими деревцами, высокими столбами ЛЭП и почерневшей трубой теплотрассы. А дальше, оказывается совсем рядом, едва в километре, среди тополей, виделись пятиэтажки микрорайона при оптическом заводе. Через пустырь идти всего ничего, а они автобусом тряслись добрых полчаса промышленными дорогами, чтобы не мешать спешащим в центр по автомагистрали более важным пассажирам.

Тетя Галя встречала их у подъезда огромной новостройки, чтобы они не потерялись в девственных унылых лестничных коридорах, в которых еще остались стройные ряды краски и какие-то трубы. Дома уже были гости, пахло мясом и коньяком. Первым делом ему впились в бок олени рога, когда он пропускал маму, которая активно доставала коробки конфет тете Гале и дяде Алексею. Тот, с неестественно красным лицом смущенно благодарил и косился на тетю Галю. Лев Владимирович, тем временем, пытался водрузить злополучные рога на полку наверху. Наконец все уселись. Саша огляделся, стандартная колода родственников, разве только какая-то новая девица его возраста сидела напротив. Глаза черные, острые, и странные губы. Она потягивала компот из стакана с цветным олимпийским мишкой и не менее внимательно оценивала его. Застолье только началось.

– ... и вот живет там обособленный народ, юкагиры! Представляете? Их осталось человек шестьсот. А мы, значит, наше изделие там опробовали.

– Правда? Ёкакир?

– Юкагир! Рога эти они и преподнесли, мол, переставьте вашу машину на 100 метров в сторону, здесь, где окопалась то-ли священное место, то-ли захоронение какое-то... Представляете? Тысячи километров вокруг и попасть так. Давай, мне тоже салатик... На меня все и смотрят, Лев Владимирович, ваше решение? А мне что? Да какая разница то, говорю, давайте вот на соседней сопке и разместим, даже лучше.

– Лева, за тебя, с новосельем!

– Спасибо! Ух... а... да да, вот эту штучку попробуйте, Галина сама делает. Правда-правда. Тут же, подходит Степаныч, геолог, говорит, что же ты меня, друг, подставить решил, какая другая сопка, это же должностное преступление, как я в рапорте напишу? А я ему, не трус, какой рапорт, маневр это, тактический, из соображений секретности, я бумажку чер-

кану шестнадцатому отделу, что твою сопку сохраняем для машинки на бетонном цоколе, ее все равно в серию не поставят. Вот так рога эти я и получил...

Саша зевнул, спать хотелось зверски, а пронзительный сквозняк из отечественного стеклопакета напротив раздражал невыносимо, он встал и через открытую дверь балкона прошел на кухню. Молодая девушка сидела на табурете и пила кофе, заинтересованно подняла бровь и покосилась на него.

– Заскучал?

– Замерз больше. Я Саша.

– Привет. Был тут уже?

– Нет, впервые.

– Я тоже. Вообще здесь впервые, я с юга, откуда дядя Лева сам. В гости вот приехала, столицу посмотреть.

– И как тебе? Набережную видела, дворец?

– Не успела, покажешь мне завтра? Делать нечего, мать в музее тащит, а мне хочется нормально погулять.

– Договор, завтра работы быть не должно. Вы где вообще, здесь остановились? Какое метро?

– Не... У Алексея, этого... Семеновича. Он сейчас в завязке.

В коридоре завозились. Гости собирались, нужно было помочь отдать соседям стулья.

Автобуса не было дольше обычного, Александр поискал в телефоне сохраненное смс с расписанием, нахмурился, словно ожидая, что его сердитость передастся незримому диспетчеру и он тотчас отправит нужный маршрут. «Нужно было ехать на метро» – подумал он.

– А 114-й уже ушел? – угрюмо спросили из-за спины.

– Сам жду. – буркнул он в капюшон.

Вокруг кипела жизнь, сигналили машины, жители торопились по своим делам, несло выхлопными газами, ранним снегом и дешевым кофе из киоска у остановки. Он махнул рукой и пошел в сторону метро. Она не местная, все равно дождетя.

Центр встретил привычным шумом проспекта, снующими туристами и запахом вареной кукурузы.

– Ну что пойдём?

– Ты опаздываешь, я не люблю. Пойдем. Только не быстро, не люблю когда быстро ходят.

Они свернули в сторону каналов, замедлили темп, чтобы она могла любоваться архитектурой.

– И как тебе наш город?

– Город везде один. Чем он отличается от прочих? Дома, люди, проспекты.

– История же!

– В каждом городе своя история, в каждом окне. Но ты не грусти, мне здесь нравится, очень даже современно. Что ты тут вообще делаешь?

– Да как все, доучиваюсь, работаю, интернет ставлю. Монтажник я. А ты?

– Интернет? Какая у тебя аська? Сохрани мою, спишемся потом. Я? Я просто живу, не знаю как ответить на твой вопрос. Живу, путешествую, плету фенечки и ловцы снов, рисую. Задаю вопросы. Вот, например, расскажи про свою школу?

– Да что рассказывать, обыкновенная школа, 290-я.

– Вот и я про что. Обыкновенная школа. Ты знаешь, что есть серии школ? Одинаковые здания, с одинаковой планировкой. Представляешь? И я и ты можем учиться в совершенно одинаковых школах, но за тысячи километров друг от друга. И другие тоже.

– Так строили же так. Кварталы одинаковые, все.

– Да, в этом прелесть. Ведь из одинаковых кварталов получаются не всегда одинаковые люди, хотя казалось бы, даже школьная программа одна и учебники и даже учителя. Вот у вас кто физрук был?

– Метр. Владимир Иванович. Смешной мужичок, лысый и в паричке. Над ним вся школа смеется. А он облысел после каких-то учений или испытаний, их взвод недалеко стоял, его и шархнуло.

– Метр... А причем тут метр?

– Рост у него такой, низкий он.

– А, поняла, юмор. Хорошо. А ты какую музыку слушаешь?

– Я что на допросе?

– Нет. Мне же нужно как-то запомнить тебя, чтобы потом не перепутать.

– Ну спасибо.

– Не сердись. Физрук метр. Так интересно, я уверена такой же физрук есть и в другой школе, с такой же кличкой и такой же судьбой.

Северная столица нависала горгульями и атлантами, ажурными балконами и широкими витринами. Крепнущая экономика бывшей империи расцветала нелепыми пестрыми вывесками, словно одуванчики пробивающимися сквозь щели в асфальте. Бум интернета сквозил вездесущими проводами. Саше нравилась девушка, но то, как она постоянно умничала, невпопад вставляла цитаты популярной поэтессы и демонстрировала собственное превосходство его уже не забавляло, а начало раздражать. Жизни претит вычурность, а эта декоративная элитарность выдавала довольно посредственного человека.

Они свернули к царскому парку и вдруг Саша увидел своего давнего школьного друга, Колю Кривошеева. Коля выходил из парка и, завидев друга, вдруг отвернулся и прибавил шагу. Саша шепнул девушке «минуту» и подхватил Колю под локоть. Тот остановился, ошутимо покраснел и посмотрел на спутницу Саши.

– Коля, привет! Ты что тут делаешь?

– О, Санька. Да я тут по делам... – он махнул рукой, дав понять, что дела эти незначительные.

– Давно не виделись вообще, ты где сейчас, как? Кого из наших видел?

– Да я тут проездом, сам теперь живу на юге. Далеко... Ладно, было приятно, извини, очень тороплюсь. Всем передавай от меня большой привет!

– Хорошо, передам. Ты хоть напиши Томе, сотовый свой дай, а то связь держать же нужно.

– Ладно.

Коля растворился в толпе. Девушка скучающе разглядывала ажурные решетки царского парка.

– Одноклассник?

– Да, он в училище ушел, после девятого. Лет пять его не видел. Странно... какие дела у него могут быть в этом парке?

Она пожала плечами и решительно двинулась в сторону мороженого. Саша оглянувшись поплелся за ней. Ему показалось, что Коля в толпе, пошел в сторону церкви.

Саша был сердит до кома в горле. С девушкой они разъехались по домам рано, сразу после кафе. И тут же, словно зная, что у него есть свободное время, ему позвонил начальник и, раскидываясь обещаниями и неоспоримыми аргументами попросил заехать к каким-то бандам из автобазы и проверить, что у них с интернетом. Антон, его босс, боялся их настолько, что сам не решился поехать, а отправил туда его, посулив двойную ставку за вызов. Зашипела дверь, он подбив тяжелую сумку с мотком кабеля и дрелью, вышел и осмотрелся – кругом тянулись серые заборы, склады, шиномонтажные мастерские и боксы по покраске автомоби-

лей. Над всей этой серой пестротой угрюмо возвышалась башня конструкторского бюро, бывшего научного института. Дядя Лёва когда-то приходил там стажировку, азартно рассказывал как там все разворачивали и он приобрел новый, на тот момент, японский осциллограф. Сейчас на здании висел горизонтальная вывеска в несколько этажей – «институт бизнеса».

Он подошёл к проходной, у которой среди проржавевших грузовых микроавтобусов белел новенький мерседес.

– «Скай-интернет», по вызову, куда идти? – буркнул он сидящему на проходной мужчине.

– Прямо и направо.

Он прошёл по коридору, его резко схватили за плечо. Седовласый мужчина с золотыми зубами и неприятной ухмылкой развернул его и помахал перед носом кривым грязным пальцем. «Ты кто? Куда собрался? Что в сумке?» Саша напрягся, это было грубо и неприятно, он начал понимать, что Антон просто кинул его в сердце какой-то очень неприятной проблемы.

– А, интернет. Иди туда, смотри стены нам не попортить, если сверлить... сам потом замазывать будешь.

Саша вошёл в небольшой зал бывшей столовой. У высокого столика стояло двое мужчин, в углу, у окна, попивали кофе еще трое, а на скамье, у столиков, быстрыми движениями пересчитывал какие-то документы бледный и мокрый круглолицый мужчина, невозможно было определить или он молится или считает в уме листы. Трое у окна были типичной дворовой шпаной, нищей, но гордой, в рваных кедах, замызганных спортивных куртках из кожзаменителя. Двое у столиков выглядели посolidнее. Один поменьше, с жиденькой челкой в кожаной штормовке с поднятым воротом, напоминавший неудачную копию графа Дракулы из поселкового театра. Второй, шарообразный, огромный, в аккуратном кожаном пиджаке и каких-то совершенно вырвиглазных красных кроссовках и такой же красной бейсболке. Его лицо также было красным, а губы круглыми, как у рыбы-прилипалы. Саша никогда не видел настолько странных людей. «Дракула» скосил на него свой взгляд и показал глазами где сесть и ждать. Страх начал уходить, Саша стал ощущать что все начинало превращаться в какой-то совершенно нелепый фарс. Ремонт интернета здесь не пахло; никаких компьютеров в зале не было. Он стал разглядывать людей. Трое у окна, попивая кофе, обсуждали кто какую машину купит когда разбогатеет, заранее определяя все возможные проблемы эксплуатации. Двое у стола обсуждали трясущегося бухгалтера в его же присутствии, Губастый отчитывал Дракулу гунявым голосом: «Сеня мне неважно, это наш бизнес, если коммерсант не знает своих бумажек, не понимает их ценности то зачем нам такой коммерсант?» Трясущийся ломаным плачущим голосом выпалил «Да это же акты! Что я могу с ними сделать? Это... это макулатура... с чего вы взяли вообще? Никто так не делает...». Сеня-дракула развернулся вполоборота и процедил: «Давай, ищи! Из бумаг нам надо деньги делать!». Трясущийся закусил губу и роняя слезы продолжил перелистывать бумаги. Зрелище было тошнотворно-чудовищное.

Краснолицый повёл губами в сторону Саши, Сеня скосил взгляд и не поворачивая сказал «Хакер этот, я у кореша попросил, он и пригнал. Все для тебя брат.» Саше стало очень неудобно от картинности происходящего, настолько, что он стал прикидывать, как можно быстро отсюда сбежать. К черту «Скай-интернет», к черту Антона, всех к черту. Губастый пространно посмотрел на него и вернулся к беседе. Дракула долго смотрел на стол, а после как актер юношеского театрального кружка, пересмотревший боевиков про итальянскую мафию выпалил задумчиво: «Босс, а если нет, что будешь делать? Мочить?» Последнюю фразу он проговорил с паузой, картинно подняв глаза на краснолицего. Тот только отмахнулся и указал пальцем на Сашу. Дракула вышел, вместе с трясущимся, приобняв его за плечи. Саша встал и подошёл. Несмотря на нелепый наряд и еще больше нелепые вблизи круглые губы, глаза у краснолицего были внешне осознанными, цепкими и внимательными.

– Приветствую! Константин Анатольевич.

– Здравствуйте. Саша. – сдерживая дрожь пробормотал он протянув пятерню.

Костян брезгливо поморщился и руки не подал.

– Ты же хакер да? От Тохи? Знаю его маму, хорошая учительница. Такая тема, мы звонили спрашивали по поводу твоего этого интернета, можешь сделать?

– Да, конечно. А где точка, свитч?

– Какой еще свитч? Ты не понял меня. Я такую тему слышал, что банки сейчас все в интернете и можно прям через интернет в банк зайти, есть такое?

– А... но это не у нас, вроде только за бугром. У наших там только курс и новости.

– В смысле? – в глазах кости был неподдельный ужас – а там на счёт зайти нельзя? Если знаешь номер карты, можно как-то ввести?

– Ввести? – страх пропал, Саша стал понимать чего от него хотят. – никогда не слышал, там только вроде мобильный телефон пополнить можно как-то, без карточки, а больше я не слышал

– Вот у меня кредитки есть, я через них в интернете могу в банк зайти и перевести куда надо деньги?

– Честно говоря никогда о таком не слышал.

– Так а интернет твой зачем? Нельзя счёт так перевести, ты скажи?

– Я не слышал, чтобы в наших банках была такая функция. Пополнить можно только сам интернет, но только картой пополнения, такой конверт с кодом...

Костя долго и пристально смотрел на него. По едва уловимым движениям губ было видно, что он думает. Взгляд его просветлел.

– А скажи, через интернет можно найти такого человека, который сможет зайти на определенный компьютер? – Саша, с изумлением ощутил больше уважение к собеседнику, ум, заточенный под криминал, не имея никакого представления о современных технологиях метко щупал слабые места.

– Теоретически можно, но для этого нужен кто-то на стороне банка, или специалист по сетевой безопасности, кто сможет зайти в их сеть. Внутри сети можно дистанционно включить компьютер.

Глаза Константина бегали, было трудно понять, он разъярен и сейчас начнет бить или он думает еще больше.

– Ну ты сможешь это сделать?

– Честно говоря нет, я только настраиваю сети... Я никогда такого не делал.

Глаза Константина горели, он опытно оценивал правдоподобность услышанного, наконец он слегка осунулся и прищурившись спросил, интонация была не угрожающей, а больше покровительственной, какие-то выводы для себя он уже сделал.

– А тебе кабель не нужен? Сколько ваш стоит вообще?

– Витая пара?

– Откуда я знаю, витая она или нет? Восемь жил внутри. У нас шесть бобин есть, тебе нужно?

– Ну обычно мы за два с половиной... ой, два... Надо вообще это у Антона, он за материалы... И финансовые вопросы. – Саше снова было неуютно и он не знал как правильно в такой ситуации нужно отвечать.

– Ну ладно, ты скажи ему и заедь заведи. Сам приедешь и заведешь. Мне он не нужен, сами с пацанами рассчитаетесь. Ступай.

Саша быстро выскочил из зала. В коридоре он чуть не столкнулся со следующими посетителями. Зрелище было еще чудовищней, чем трясущийся бухгалтер ранее. Усохший старичок в сером пиджачке, левый рукав которого был подшит булавкой к карману, единственной правой рукой он сжимал шапку-петушок фестивальной расцветки. Старик был полон решимости отстаивать свою позицию, а вот его спутница, совсем осунувшаяся старушка с розово-

бледными заплаканными веками под толстой оправой, уже явно отчаялась. Часто-часто она кивала головой и нервно поправляла висящий пустой рукав. Рядом с ними, оскалившись стоял седовласый мужчина с золотыми зубами, перебирая в руках какие-то документы.

Саше был противно и тошно от этого зрелища, он прошел по коридору, вышел и закурил. Сумка с дрелью отдала плечо и он скинул ее на асфальт. Все, что он увидел несколькими минутами ранее, душило его изнутри. Страх уходил и мозг рисовал картины и оправдания и возмездия. Какая-то полная бессмыслица, бандиты, словно сошедшие с экрана низкобюджетного криминального сериала. Вели себя, как персонажи школьной постановки, при этом они всерьез вершили чьи-то судьбы с высоты своего откровенно отсталого мозга. Вот оно, то самое бремя страны, в застенках забытой автобазы плодится и крепнет. Бремя страшнее карикатурного зла, посредственность помноженная на иллюзию силы и нежелание работать. Какой-то страшный сон, в котором люди с мышлением школьного хулигана вдруг стали чем-то управлять. А все, и он, Саша, стали их слушать.

Он бросил окурок, перешел улицу и дождался автобуса. Когда он уже сел, в окно увидел, как открылась дверь проходной, оттуда вышел старик и старуха, он сжимал шапку-петушок у груди, а старуха подняв ладони пыталась его успокоить. Дверь за ними захлопнул седовласый. Тут Саша вспомнил, что знал этого мужчину. Когда-то давно, в юности, он лежал в больнице, в хирургии, с аппендицитом, а мужчина лежал через кровать от него.

Дома горел свет только на кухне – значит папа еще задержался на работе. Мать выглянула из кухни с заговорщическим прищуром, значит с тетей Галей они созванивались и обсуждали, и тут же разочарованно протянула:

– А инструменты зачем? Вы что не гуляли? Ну, Санька...

– Гуляли, гуляли. Антон попросил вечером съездить. Не мог отказать.

– Конечно, Антону ты не отказываешь. Мой руки иди. Еда на плите, я отдохнуть уже хочу.

– Хорошо.

– Тебе Тамара звонила, просила напомнить, что у вашей Анны Генадьевны будет юбилей, на подарок надо будет собраться. Зайди к ней, как сможешь.

– Спасибо. А я Колю встретил у царского парка. – ответил Саша через плечо, намыливая руки.

– Какого Колю? – недоверчиво спросила из-за спины мама.

– Кривошеева. Мы в парк шли, а он оттуда. На юге живет теперь.

Мама подозрительно смотрела на него, произвольно прихихиваясь.

– Ты чего, мам?

– Коля же умер. Тома год назад на похороны собирала деньги...

– Как умер? А почему я не знаю?

– Саш, ты тогда в свой поход ходил... Ты уверен, что это был Коля?

Посетитель был нервный и сразу не понравился Степану. Длинный, остроносый, пахнущий одеколоном, с недовольным выражением лица и военным кожаным планшетом на поясе. Представился инженером по гарантии, это в такой-то дыре, который приехал поздним рейсом и про свободные комнаты узнал от вокзальных прихвостней. Теперь еще и делиться с ними этими шакалами копейками за клиента. Представился Игорем и затравленно озираясь спросил есть ли здесь горячий душ.

– Вы скажите спасибо, что мы туалет на ночь не запираем. – с удовольствием ответил он столичному хлыщу.

Дом отдыха железнодорожников по сути был бригадным домом машинистов и проводников, которых волей судьбы забрасывало в этот городок. Старинное здание со световым колодецем посередине, где, по замыслу, должен был быть зимний сад. Колодець опоясывали балконные

галереи с комнатами. Столовой не было, ее занимал склад оргтехники, оградившийся от всех кирпичной стеной. Номер был четырехместный, Игорь сразу вспомнил летний лагерь из детства. Подушки-треуголки, тумбы, стол и этот удушающе-унылый запах накрахмаленных простыней. Одна кровать была занята, дырявое полотенце перекинута через спинку.

– Валера. Сосед твой, на ночь. Принимай.

– Спасибо, Максимыч. Не беспокойся. – беззубой улыбкой ответил старичок с взлохмаченными седыми кудрями.

Посетитель сухо поздоровался, подвинул сумку к кровати, сел и выдохнул. По крайней мере ночь пройдет не на вокзале, в зале ожидания, а на кровати, под крышей, в этой откровенной дыре. С этажа выше доносилось хриплое пение «Я простой, как и все, житель южной столицы, люблю хряпнуть вина, вкус тандырной самсы или пиццы...». Сосед по комнате услужливо заверил: «скоро допьют и уснут, не переживайте, это каждую ночь так».

Близилось к полуночи. Посетитель, уже в удобной спортивке, сидел поперек кровати, упираясь затылком в стену и установив стакан с чаем на животе, оставляя круглый след на майке. Валера, в трениках и шлепках сидел на стуле посреди комнаты, залихватски заложив ногу за ногу, ожесточенно дул в свою кружку, прихлебывая из нее.

– Не понимаю я тебя. Назло сыну? И в этой вот дыре? – сказал Игорь, раздувая пар, поднимавшийся с его живота.

– А здесь не надо понимать. Понимать надо ученым. Мне достаточно верить, что я делаю правильно, по совести.

– Да кому какая разница к твоей правильности? Это не больше, чем твоя личная оценка, еще и основанная на воспитании. Не обижайся, но вопрос воспитания зачастую достается не совсем компетентным людям. Я не на что не намекаю!

– То есть по-твоему нет этой самой правильности? И для тех, кто верит, в Бога, в судьбу, в чудо – ее нет? Что же это массовое заблуждение?

– Правильности объективной нет и быть не может. Не больше чем удобный транквилизатор, чтобы не слететь с катушек от того, что мозгу больно, что все вокруг не имеет никакого смысла.

– Для тебя смысла может и нет. А для меня – вполне себе есть. Бог и есть мой смысл. Те испытания, которые он мне дает – есть смысл. Трудные? Да. Связанные с самым сокровенным? Безусловно, но испытания на пути.

– Некие люди, от лица Бога дали тебе свод условий, согласно которым ты, когда-то потом получишь вознаграждение, а все твои недруги по щекам с левой и правой. Мерками вот такого простака как ты, который на эти щеки и будет указывать. Вот только свод этих самых условий не совсем согласовывается в человеческой натурой.

– Некие люди? Да, пусть. Пусть даже плохие люди. Но чем портится хорошая идея, высказанная плохим, даже самым плохим человеком? Мысль от этого перестает быть хорошей?

– Не перестает, здесь ты совершенно прав. Но даже самая хорошая и гуманная мысль разбивается о твои гормоны, как волны о камень. Ты может и рад следовать этой хорошей идее. Но только ты в этом возу не возница, а только восторженный пассажир, описывающий поездку.

– То есть нет у меня воли? Гормоны за меня все решают?

– Я этого не говорил. Чтобы ты узником ходячей темницы себя не чувствовал у тебя есть небольшая фора. Сознание на пару шагов позади подсознания. Занимается неблагодарной работой – успокаивает мозг оправданием и описанием действий, которые он совершит через несколько секунд, иногда лет. И твоя чистая кристальная идея, вдруг ощущает короткий изъяз. Вроде никто не видит, можно и согрешить. У кого-то заглянуть в забытый на заднем сиденье кошелек, а у кого бабу в подворотне схватить.

– Ну так это не гормоны, а соблазны, искушения. На то моя вера и есть. В этом и идея, сопротивляться.

– Святой Антоний! Сопротивляться он думает. Ты когда из своего монастыря уезжал, подушку под шары со льдом положил или сразу с азотом? А? Это какое интересное испытание получается? Тебя как рыбу вытаскивают из аквариума, кладут на стол и говорят: «милый мой, ты раб своих соблазнов, дышать водой тебе грешно, давай как силой веры воздухом, будь добр задыши!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.